

Афанасьева, стой!

Автор:

Олеся Стаховская

Афанасьева, стой!

Олеся Владимировна Стаховская

Другие миры (АСТ)

Привычный мир перевернулся с ног на голову. По городу спокойно разгуливают упыри, кикиморы организуют производство подделок известных мировых брендов, а красавец-коллега оказывается инкубом и всерьез намерен жениться на тебе. От такого многообразия видов впору сойти с ума, но трезвый рассудок и холодный расчет нам еще понадобятся. Должен же кто-то раскрывать преступления и выводить нечисть на чистую воду.

Олеся Владимировна Стаховская

Афанасьева, стой!

Все персонажи и события являются вымышленными, любые совпадения случайны.

© Олеся Стаховская, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Прекрасный Принц

В лоб прилетел комок офисной бумаги. В мой, между прочим, лоб. Кое-кто пытался привлечь моё внимание, и по детсадовским выходкам несложно было догадаться, кто именно.

– Афанасьева, выйди из сумрака, – раздалось над ухом.

Со вздохом отлепилась от монитора и клавиатуры. Мне позарез нужно закончить этот договор до одиннадцати. Я ради него на работу пришла на час раньше.

– Алексеев, ты обалдел?! Видишь же, что я занята.

Брутальный обладатель бугристых дельт, бицепсов и трицепсов нависал над моим креслом, давя массой и тестостероном. Я судорожно сглотнула слюну. Но вида не подала. Чтобы не зазнавался. Парень вообще-то был очень даже в моём вкусе, но, к сожалению, эти вкусы разделяла вся женская половина офиса.

Знакомьтесь, наш айтишник, хоть по нему так сразу и не скажешь, Семён Алексеев. Или Алексей Семёнов? Постоянно путаю.

– Знаешь, Афанасьева, вот это было обидно. Мы с тобой три месяца в одном кабинете работаем. Могла бы уже запомнить мою фамилию. Семёнов я! Се! Мё! Нов! Что сложного-то?

Я с сомнением посмотрела на Семёнова-Алексеева. С него станется меня разыграть. Не раз уже становилась жертвой его дебильных подколов, но так и не научилась понимать, когда он говорит серьёзно, а когда издевается.

– Здорово, Лёха, – протянул Семёнову (все-таки Семёнову) руку мой сокамерник Костик. Мы с ним вджобываем в одном отделе. Сидим рядом.

Но вернемся к Семёнову. Так вот, позвольте представить Алексея Семёнова – любимца женщин, остряка и балагура, адепта физической культуры, который после работы регулярно посещает качалку, что самым приятным женскому глазу образом отражается на его фигуре. Татуированная мускулатура бугрится и

перекатывается под обтягивающими торс футболками. Семёнов принципиально игнорирует офисный дресс-код и щеголяет в джинсах и рубашках поло или тех самых приснопамятных футболках, благодаря которым взгляд на рельеф его тела вызывает головокружение. Добавьте улыбку плейбоя, сумасшедшую харизму, и всё, особо впечатлительных дам можно выносить.

Возле Семёнова, что неудивительно, постоянно крутятся офисные девицы. Я тоже в своё время попыталась завоевать его внимание, но отступила. Не смогла пробиться в партер, поэтому вынуждена была наблюдать с балкона третьего яруса за тем, как вокруг него кружат акульки плавники наших девчат. Семёнов каждый божий день подтверждает истину, что красивый мужчина – общая собственность. Я делиться с детства не люблю, особенно мужчинами, поэтому решила отказаться от завоевания неприступной твердыни. Твердыня, похоже, была не в курсе моих территориальных притязаний. В общем, с Семёновым мы уживаемся вполне мирно. Он никогда не мечтал обо мне. Я больше не мечтаю о нём.

– Семёнов, чего тебе?

– Пойдём-ка покурим-ка, – лениво предложил альфа-самец нашего опен-спейса.

– Некогда, – бросила я, погружаясь в текст.

– Афанасьеваааа, – томно пропел Семёнов, развернув моё кресло так, что я упёрлась взглядом в его ремень и мышечную массу над ним, грамотно подчеркнутую белым хлопком.

Немного подвисла, очарованная видом, но довольно быстро вернулась в реальность, на каменных скрижалях которой было высечено: «Закатай, тебе не светит».

– Семёнов, имей совесть! Я не пойду курить. Во-первых, у меня срочная работа, во-вторых, устала слушать просроченные анекдоты, а в-третьих, ещё не завтракала. Ты же не хочешь, чтобы я сползла по стеночке в курилке?

– Язва.

Семёнов отлепился от моего кресла и затерялся в просторах опен-спейса. Вскоре, однако, вернулся, возложив на край стола добычу: круассан и пластиковый стаканчик с латте.

- Жуй, жертва офисного произвола, - великодушно предложил айтишник.

- Благодарствую, барин, - кивнула я и отхлебнула кофе.

Не стоит думать, что Семёнов ухаживает за мной. Вовсе нет. Просто он любит женщин и обожает доставлять им маленькие радости. Так что облагодетельствовать кофе из аппарата и плюшкой может каждую. Это ещё одна причина, по которой все наши дамочки млеют от айтишника. Но даже такая забота приятна. Костик, например, не способен на что-то большее, чем занять очередь в столовой.

- Нееет, этого мало, - задумчиво протянул парень в ответ на мою благодарность.

- Я думала, ты бескорыстный, - вздохнула я. - Ладно, говори, что надо.

- Выходи за меня, - и смотрит так ехидненько.

- Зачем тебе жениться, Семёнов? У тебя же есть российское гражданство.

Семёнов хмыкнул и отстал, благо в проходе возникла Ларочка - секретарь вице-президента. Она порхала в нашу сторону, точнее, в сторону нашего айтишника. Нужды посещать галеры опен-спейса у Ларочки, в принципе, нет. Она - белая кость, голубая кровь. Сидит в отдельном кабинете - в приёмной. В её распоряжении свежий воздух из собственного окна и полная тишина. Тишину она, впрочем, не особо уважает. В приёмной постоянно тренькает какая-то попса. Ларочка пытается охмурить Семёнова с первого дня его появления в офисе. Пока безуспешно. Но она не сдаётся.

Ларочка - красавица. Посещает дорогой фитнес-клуб, не менее дорогого парикмахера и косметолога. В общем, раздражает меня безупречными внешними данными. Сейчас вернулись в моду короткие топики, и по пятницам, в день отдыха от строгости дресс-кода, Ларочка демонстрирует свои достижения на поприще фитнеса. Типичная фитоняшка. Да, это чёрная зависть.

Лично у меня на себя не хватает ни времени, ни средств. До зарплаты пять дней, а деньги уже почти закончились. В принципе, человек способен прожить без пищи двадцать дней, стало быть, у меня есть все шансы дотянуть до конца недели и не склеить ласты. К слову, о ластах. Мой левый ботинок потерял подкову. Набойку в смысле. Цокала я сегодня в метро не хуже золотой антилопы. Так что внезапно возникла ещё одна статья расходов.

Рабочий день только начался, и всю подтягиваются опоздавшие. Отдельного слова достоин мой, с позволения сказать, кабинет – огромное помещение размером в два спортивных зала. Повсюду, куда ни кинь взгляд, виднеются приставленные вплотную друг к другу столы и людские макушки разной степени волосатости. Голоса сотрудников и шум офисной техники сливаются в единый гул, который стоит в опен-спейсе целый день. В общем, открывающаяся неподготовленному зрителю картина заставляет вспомнить о швейных цехах Китайской Народной Республики. По крайней мере, мне они представляются именно так.

Коллеги, как я уже сказала, ещё подходят. Пятнадцатиминутное опоздание таковым не считается. Мимо Ларочки и Семёнова, склонив златую главу, прошествовал Кирюшенька – сотрудник дружественного отдела. Кирюша – вылитый полуэльф. Большие серые глаза, нежное одухотворённое лицо и робкое неземное выражение на нём. Кирюша кивнул Костику и Семёнову. Руку он не подаёт. Это негигиенично. Привозит на работу и забирает домой Кирюшу мама, женщина волевая и властная. Кстати, моего коллегу нечасто можно здесь увидеть. Большую часть жизни Кирюша проводит в различных медицинских учреждениях. Его лечат от заболеваний желудочно-кишечного тракта, от почечных и печёночных коликов, ВСД, мигреней и прочих хворей. Кирюше ещё нет двадцати семи, и мама боится, что ненаглядного сыночка признают годным к военной службе. Как по мне, так парню она пошла бы на пользу. Но это, к счастью, не моё дело.

Ну вот и всё. Договор подготовлен, сопроводительный лист напечатан, теперь нужно прогуляться по коридорам. Увернувшись от Семёнова, так и не потерявшего надежду разделить со мной первую утреннюю затяжку, я покинула пределы нашей саванны.

Коридор встретил благословенной тишиной и пустотой. Я повернула в сторону лифта и замерла. Навстречу мне, озаряемый лампами дневного света, шёл Прекрасный Принц. Высокий, подтянутый, изящный. Породистое лицо с прямым

носом и чётко очерченной линией гладко выбритого подбородка. Тёмные, почти чёрные, волосы, развевающиеся при каждом шаге. И синие, да-да, я рассмотрела, синие глаза, цвет которых оттеняет тёмно-серый костюм. Пиджак хорошо отутюжен, на брюках острые стрелочки, галстук стягивает ворот светлой рубашки.

Я невольно задержала дыхание и уставилась на это мимолётное видение, ожидая, что оно рассеется в воздухе утренним туманом. Но нет. Видение поравнялось со мной.

– Прошу прощения, – мягкие, вкрадчивые интонации, на которые так и тянет ответить: «Мррр», – вы мне не поможете? Я, кажется, заблудился.

Завороженная голосом Прекрасного Принца, я на время потеряла дар речи.

– Я ищу отдел кадров, – проникновенно глядя мне в глаза, уточнила любовь всей моей жизни.

– Ааа. Кхм. Да, идёте, я провожу вас. Мне по пути.

Довела Принца до лифта. В лифте стояла рядом и косила на точёный профиль так, что от напряжения чуть слёзы не выступили. Мне хотелось взять его за руку и таким образом сопроводить до отдела кадров, но вряд ли бы он понял и оценил столь сильное рвение помочь незнакомому человеку. Пришлось усмирить свои порывы и проводить его до кабинета, соблюдая дистанцию. Мои пальцы намертво приросли к папке с документами. Я вцепилась в неё, чтобы удержаться от искушения прикоснуться к руке или другим частям тела Прекрасного Принца. Я не понимала, что со мной происходит. Просто наваждение какое-то! От Семёнова меня так не плющило даже в период увлечения им.

Пожелала Прекрасному Принцу удачи и развернулась на сто восемьдесят, чтобы на ватных ногах процокать в сторону юротдела. Походка грациозной лани, надо признать, не удалась. Я чувствовала скованность во всем теле. Оно вообще казалось мне чужим, словно натянутый не по размеру костюм. Не прошла и трёх шагов, как ноги зацепились одна за другую. Я рухнула на пол, отбив колени. Договор вылетел из папки, и листы веером разлетелись по коридору.

Господи боже! Ну и позорище! Если он это видел, я утоплюсь в унитазе!

К моему глубочайшему сожалению, Принц наблюдал моё падение. Поступил он, однако, благородно. Собрал листки в папку, помог подняться. Я посмотрела на свои ноги, которые предали меня в самый ответственный момент, и ахнула. Колготки были разодраны на коленях, сами же колени саднило и пекло. Похоже, через пару часов они приобретут ярко-фиолетовый окрас. Последний раз я так падала в детстве. С велосипеда. Стараясь заглушить нарастающее желание бежать куда глаза глядят, лишь бы подальше от места своего позора и его случайного свидетеля, двинулась в сторону туалета, чтобы привести себя в порядок.

Возле двери обернулась на Принца. Тот прирос к полу и смотрел на меня округлившимися глазами, затем замахал руками, пытаюсь что-то пояснить жестами. Голос ему, похоже, отказал. Я решила не анализировать его реакцию, отвернулась и уверенно толкнула дверь. И тут поняла причину странного поведения Принца. У меня самой глаза полезли из орбит, а челюсть полетела вниз. В мою сторону недоумённо взирали мужчины, стоявшие возле... В общем, понятно, возле чего они стояли. Я охнула и вылетела наружу.

Принц находился на прежнем месте. Видимо, он недостаточно насладился спектаклем и ждал продолжения. Но я не доставила ему такого удовольствия. В этот раз открыла нужную дверь. Заперлась в кабинке, опустила крышку унитаза и водрузилась на него, сжимая голову руками. Вот как можно было так опозориться?! Что со мной творится?! Уму непостижимо! Хорошо, что Семёнова рядом не было, а то стала бы героем анекдотов.

Катя, непосредственный начальник и пятничный собутыльник, в очередной раз выручила меня. Не устаю поражаться её запасливости. В закромах подруги обнаружилась упаковка колготок. Хоть они и не могли скрыть печальных последствий моего падения в виде разливающейся на коленях синевы, но, по крайней мере, спасли от необходимости демонстрировать окружающим бледно-голубые ноги. Нынешнее лето прошло незаметно для меня. Мы не успели соприкоснуться даже мимоходом.

Та самая Катя шествовала сейчас по проходу между столами в сопровождении свидетеля моего недавнего конфуза. Она подвела его к единственному

свободному столу и возвестила:

– Коллеги, познакомьтесь, наш новый сотрудник Павел.

Павел сверкнул дежурной улыбкой. Всем было очень приятно с ним познакомиться, о чём ему тут же сообщили.

Стол Принца вплотную примыкал к моему. От столь близкого соседства у меня вспотели ладони и застучало в висках. «О боже, какой мужчина», – заиграла в голове попсовая мелодия. Нет, только не это! Изыди, сатана! И как теперь работать? Я же ни на чем сосредоточиться не смогу. Вот уже пятый раз читаю письмо делового партнера нашей конторы. Читаю и не понимаю ни слова. Буквы разбегаются по экрану, как тараканы при виде тапка.

К нам в очередной раз подрулил Семёнов. Вообще-то он сидит в другом конце ряда, практически возле двери, но при этом регулярно трётся здесь, постоянно перешучиваясь с Катей и Костиком или подкалывая меня, либо шляется по просторам конторы, флиртуя со всеми дамами независимо от возраста и семейного положения. Когда этот тип успевает работать, остаётся для меня загадкой.

– Афанасьева, ты курить пойдешь, наконец?

Вот зараза! Пока мне не напомнили о пагубной привычке, даже мысли о сигарете не возникало. Сейчас же я ощутила невероятное желание сделать пару затяжек. Даже в пальцах закололо. Скосила глаза на Прекрасного Принца. Вдруг ему не нравятся курящие женщины? Лучше не рисковать.

– Бросила, – помотала я головой.

Семёнов окинул меня пронизательным взглядом, внимательно изучил моего соседа и выдал:

– Последний раз, когда ты бросала, на тебе юбки сходиться перестали.

Наглая ложь! Не было такого! Я начала задыхаться от возмущения. У меня не находилось приличных слов, чтобы достойно ответить на недостойный выпад.

Ссскотина! Дождешься ты у меня, Семёнов! До этого дня мы жили вполне мирно. Но сейчас ты перешёл все границы.

- По-моему, у Арины хорошая фигура, - вмешался Павел.

- Так я и не спорю, - хмыкнул Семёнов.

Парни синхронно прошлись взглядами по моему организму. К ним присоединился Костик.

Меня накрыло очередной волной возмущения. Я что вам, лошадь на базаре?

- Это всё волшебная сила никотина, - продолжил айтишник.

- Семёнов, исчезни, - процедила я сквозь зубы и отвернулась к экрану.

Но меня бесцеремонно развернули обратно. Семёнов, нахально улыбаясь, держался за спинку кресла. На моём лице красной бегущей строкой отразились все непечатные эмоции. Айтишник понял, что перегнул, и отступил, подняв руки в знак полной и безоговорочной капитуляции.

Рабочий день подошёл к концу, и кабинет постепенно опустел. Я, как обычно, задержалась, чтобы закончить дела. Когда последнее письмо было отправлено, откинулась на спинку кресла и потянулась, разминая затёкшие мышцы. Краем глаза заметила, что мой сосед сидит и выжидающе смотрит на меня. Он ещё не ушёл? Странно. В первый рабочий день никто не требует от новичка стопроцентной отдачи. Также странно, что последнюю пару часов я не обращала на него внимания. Может, привыкла к его присутствию? Хорошо бы. Если и дальше продолжу млеть от него, то в первую очередь пострадает работа, а во вторую, что вполне закономерно, моя дальнейшая карьера в конторе.

- Ты к метро? - поинтересовался Принц.

Кивнула.

- Тогда идем.

До метро шли в молчании, лишь изредка нарушая его неловкими попытками завязать разговор. Я смущалась в присутствии Принца, а ещё боялась ляпнуть какую-нибудь глупость и испортить впечатление о себе. Было очевидно, Павел задержался только для того, чтобы проводить меня. Мысль эта грела душу. Вместе с тем мелкий бес, что жил в моей голове, подкинул парочку воспоминаний о тех случаях, когда я в похожих ситуациях несколькими саркастичными фразами уничтожала едва возникшую симпатию со стороны лиц противоположного пола. Что поделать, в этом я профессионал.

В метро была привычная для этого времени давка. Мы с трудом вбились в вагон. На следующей станции народа прибавилось, в результате чего я оказалась настолько плотно притиснута к Принцу, что чувствовала все мышцы его тела, и не только их. Мои щёки вспыхнули, и я опустила глаза, избегая взгляда коллеги. Но судьба недостаточно насладились моим смущением. Поезд неожиданно затормозил, и пассажиров разом кинуло вперёд. Я полетела бы в общей спрессованной массе, если бы Принц не обхватил меня свободной рукой, ещё сильнее вжимая в себя. Я устояла на ногах, но от гаммы нахлынувших эмоций и ощущений едва не забилась в конвульсиях. Это был бы мой первый оргазм в общественном транспорте. К счастью, движение выправилось и меня выпустили из захвата. Я с трудом сдержала судорожный вздох. Подняла глаза на Павла и подавилась воздухом. Настолько прожигающим был его взгляд. Если он сейчас думает о том же, о чём и я... Ой-ёй! На всякий случай отодвинулась от коллеги, насколько позволяли обстоятельства. Какая-то тётка зашипела на меня, но я её проигнорировала.

Следующая станция была моей. Людской поток разделил нас с Принцем, и меня вынесло на платформу волной чужих потных тел. Я не успела даже попрощаться с ним.

Плохо помню, как добралась до дома. Все мысли были заняты Павлом. Я на реверсе прокручивала эпизоды совместной поездки. Никогда ещё дорога домой не была наполнена таким количеством эротизма. В голове творилось полное непотребство. По сюжетам моих фантазий можно было снимать порноролики. Они пользовались бы нешуточным спросом.

Ночь оказалась мучительной. Сон не шёл, перед глазами в режиме нон-стоп мельтешило видео с маркировкой «Восемнадцать плюс». Утром я, не выспавшаяся, но тем не менее нездорово бодрая, мчалась на работу. Я никогда

не верила в любовь с первого взгляда, считая полным идиотизмом возможность полюбить практически незнакомого мужчину. Прежде для того, чтобы простая симпатия или влечение переросли во что-то большее, мне нужно было узнать человека по-настоящему. Накуриться с ним вместе или выпить, как говорила Машенька. Теперь же – примите и распишитесь. Я влюбилась. Не просто увлеклась. Нет. Я уже видела лица наших общих детей, представляла, как Принц возится с ними, учит их кататься на велосипеде, проверяет уроки. Господи, боже мой! Да я детей-то не хотела вовсе. Не вяжется у меня картина семейной идиллии с образами орущих младенцев в испачканных подгузниках и перспективой бессонных ночей и постоянных больничных. Поправочка: не вязалась. До сегодняшнего дня.

На рабочем месте меня ждал приятный сюрприз. Высокий стакан кофе из Старбакса, на котором было написано моё имя, и тёплый хрустящий круассан.

– Ой! Спасибо большущее!

– Не знал, какой ты любишь. Наугад взял латте с сиропом.

Кофе показался мне идеальным. Как и Принц, и это утро, как и жизнь в целом. Настроение было безоблачным. Первое облачко образовалось в виде Семёнова, который, как всегда неожиданно, возник на горизонте. Точнее за моей спиной.

– Афанасьева, привет, – подозрительно ласково сказал айтишник, водружая на мой стол пластиковый стаканчик из кофейного автомата и упаковку с круассаном из вендингового аппарата, что стоял в коридоре. После даров из Старбакса это подношение выглядело довольно блёклым.

– Спасибо, – смущенно пробормотала я, не зная, как отреагирует на поведение Семёнова Павел.

Не объяснять же ему, что айтишник подобным образом окучивает половину офиса. Женскую, разумеется. Наверное, со стороны может сложиться впечатление, что он имеет на меня виды. Но это не так. Проверено временем.

Круассан я закинула в тумбочку. Его и через неделю можно съесть, вкусовые качества ничуть не изменятся. А вот как быть с кофе, ума не приложу. Больше в меня не влезет. Я ещё тот не допила.

Семёнов заметил стакан в моей руке, бросил взгляд в сторону Павла, после чего отлип от стола и исчез в поисках других жертв своего обаяния.

– У тебя что-то наклёвывается с новеньким? – поинтересовалась Катя, зажигая сигарету.

Я принципиально запретила себе курить, хотя тянуло невероятно.

– Кать, тебе не кажется, что это моё личное дело? – возмутилась я подобной бесцеремонностью.

– Не кажется. Мы вообще-то подруги. И потом, я думала, тебе Семёнов нравится.

– Семёнов всем нравится. И то, что он нравится мне, ещё не говорит о том, что я нравлюсь ему.

– Дура ты, Аринка.

– Ну здрасьте! С чего это я дура? Семёнов – бабник, каких ещё поискать. Посмотри, как со всеми мармеладничает. Но даже если допустить, что он способен испытывать симпатию к одной конкретной женщине, в чём я сильно сомневаюсь, то почему ты решила, что эта женщина – я? Он хоть раз пригласил меня, скажем, кофе после работы выпить? По парку прогуляться? В кино? В театр? На концерт? Да куда угодно? Нет же. Изводит только тупыми приколами и заставляет выслушивать всякую ахинею в курилке.

– Ладно, как знаешь. Ты у нас большая девочка. Сама разберешься. Только потом не жалуйся на жизнь.

– С чего мне на нее жаловаться? Всё вроде бы неплохо складывается.

– Не нравится мне этот Паша. Мутный он какой-то, – сказала Катя и затушила сигарету.

Мутный?! Сами вы мутные! Тоже мне подруга! Нет чтобы порадоваться за меня. В кои-то веки встретила нормального парня.

Мой Принц был мил и обходителен. По утрам на рабочем столе меня встречал неизменный латте. Вечерами Паша терпеливо дожидался, пока я закончу дела, и сопровождал до метро. Постоянно говорил комплименты, на которые я, наконец, научилась нормально реагировать. Моё лицо лучилось радостью и сияло не хуже, чем у Ларочки после косметологических процедур. Я уверилась в собственной привлекательности и временами ловила себя на том, что тихо напеваю марш Мендельсона.

В пятницу вечером мы всем отделом собрались в небольшом кафе возле работы. Собственно, весь наш отдел состоял из четырёх человек: мы с Катей, Костик и Паша. Катя и раньше время от времени созывала нас для укрепления корпоративного духа, устраивая стандартные двухчасовые посиделки, во время которых под пиво или вино перебиваются кости коллегам и руководству, обсуждаются последние сплетни и всякие офисные страшилки на тему возможных сокращений, упразднений и прочих оптимизаций.

Катя умчалась первая. За ней приехал муж. Костик тоже не стал задерживаться. Когда мы остались вдвоем, Паша предложил вызвать такси. На улице было холодно, шёл мелкий противный дождь, и его предложение показалось мне вполне разумным.

Целоваться мы начали ещё в машине. Как-то так само собой получилось, что Паша высадился возле моего дома. Я не возражала. В лифте мы принялись лихорадочно расстёгивать друг у друга пальто. В прихожей побросали одежду на пол. Моего Принца, по всей видимости, это место в качестве полигона для дальнейшего разврата вполне устраивало, но я проявила твёрдость и, наставляя синяки о мебель, которой в тёмной комнате оказалось как-то слишком много, мы плюхнулись на диван.

Не стану вдаваться в подробности того, что происходило дальше. Но это определённо было самым лучшим из всего, что случалось в моей жизни. И дело даже не в физических ощущениях. Эмоции, которые бурлили и выплёскивались криками, безумная, ни с чем несравнимая эйфория... Нет, подобного я никогда ещё не испытывала. Я была ошеломлена произошедшим с моим, казалось бы,

хорошо знакомым телом. Принц был нереально крут.

Не прошло и получаса после самого лучшего секса, как Паша засобирился, и это немного уязвило. Честно говоря, я рассчитывала, что он останется до утра. До утра понедельника. Но он торопливо чмокнул меня в губы и исчез.

Утром я с трудом разлепила глаза. Болела голова, и от каждого движения в мозг словно впивалась раскалённая спица. Тело было вялым, настроение на нуле. Шевелиться не хотелось. Странно, я вчера практически не пила. Не буду врать, что бокал вина – моя пятничная норма. Вовсе нет. Просто вчера я строила грандиозные планы по завоеванию Принца. И хотела выглядеть достойно. Так что это точно не похмелье. Может, грипп? С трудом доковыляла до шкафа, где хранилась аптечка, вытащила градусник и таблетку аспирина. Температуры не было. Совсем. Ртутная полоска еле доползла до отметки в 35 градусов. Я практически труп. Нет. Это не грипп. Но аспирин на всякий случай выпила. Может, хоть голова перестанет болеть.

Завалилась на диван и пролежала, созерцая потолок, до тех пор, пока не начало смеркаться. День прошёл совершенно бездарно. Сбравшись с силами, я кое-как привела себя в порядок. Заварила чай. Открыла холодильник и тут же захлопнула его. От мыслей о еде замутило. Значит, будем пить чай. Сбравшись в кресло с ногами, я долго сидела, бездумно глядя в одну точку и грея руки о кружку.

Погрузившись в подобие анабиоза, не сразу услышала звонок. С кряхтением выбралась из кресла и открыла дверь. На пороге стоял мой Принц. Я даже «привет» не успела сказать, как меня подхватили на руки и так доставили до дивана, на котором я провела весь прошедший день.

Когда Паша уходил, я и не думала возражать. В полусне добрела до двери и закрыла её. Потом упала лицом в подушку.

В воскресенье утром поняла, что умираю. К вечеру, правда, более-менее оклемалась. Однако это состояние длилось ровно до того момента, пока на моём пороге не появился тот, с кем я ещё позавчера планировала встретить старость. Хорошо мне уже не было. Кажется, я даже плакала и просила все прекратить, но мои слабые просьбы остались без внимания.

– Хреново выглядишь, Афанасьева, – жизнерадостно поприветствовал меня Семёнов. – Заболела, что ли?

Едва заметно кивнула. От резких движений голова взрывалась болью, которая затем разливалась по всему телу.

– Афанасьева, стой! – крикнул мне в спину айтишник, пока я плелась к своему рабочему месту. – Да погоди же ты! Может, таблеток каких нужно купить? Ты только скажи, я сгоняю до аптеки.

Я вяло помотала головой и продолжила свой путь. На рабочем столе стоял привычный стакан из Старбакса. Я смахнула его в мусорную корзину, плюхнулась в кресло и тупо уставилась в монитор. Скосила глаза на Пашу. Он с невозмутимым видом что-то строчил на клавиатуре. В мою сторону даже взгляда не бросил. Работает человек, не станем ему мешать.

Вреда от меня в тот день было больше, чем пользы. Катя заметила моё состояние и попыталась выгнать домой. Но мне было лень передвигаться, и я решила, что подремать можно и в рабочем кресле. Надеюсь, памятуя о прошлых заслугах, работодатель простит мне эту халатность. К вечеру странная болезнь снова отступила. Паша не стал меня дожидаться и был, вероятно, уже где-то на полпути к дому. Это даже порадовало. После вчерашнего не хотелось его видеть. Моя любовь прожила ровно одну неделю, не оставив после себя мучительных терзаний и чувства вины. Только лёгкую досаду и сильное отвращение.

Вторник прошёл как в тумане. В среду вернулся аппетит, в четверг я отработывала за все три дня вынужденного безделья. Пахала как конь под плугом, наконец-то чувствуя себя нормальным человеком. Слабость ещё давала о себе знать лёгкими головокружениями и онемением в пальцах. В обеденный перерыв я перекусила подаренным когда-то синтетическим круассаном, а после вспомнила о пагубной привычке.

Офисная курилка находилась во дворе здания, которое занимала контора. Я опустилась на одну из скамеек, сделала пару затяжек и поняла, что поспешила с никотиновыми интоксикациями. Но на улице была приятная прохлада, возвращаться на рабочее место не хотелось. Я просто сидела, держа в руках тлеющую сигарету и переваривая всё, что вывалила на меня Катерина. Подруга

решила включить начальника и, видя, что я уже вполне здорова, отчитала за пару серьёзных промахов.

Ко мне подошла одна из наших офисных девиц. Высокая, болезненно худая крашеная брюнетка. Кажется, её звали Зоей. Рабочее место Зои было сокрыто где-то в дебрях нашего опен-спейса. Сама она регулярно отиралась в курилке, постоянно клянча зажигалку. Собственную, видимо, не заводила из принципиальных соображений.

- Привет, - обратилась она ко мне. - Зажигалки не будет?

Я протянула зажигалку. Девушка смачно затащила её.

- Ты же работаешь вместе с Павлом? - поинтересовалась она, возвращая зажигалку.

Кивнула. Разговаривать не хотелось.

- И как он тебе?

- Да никак, - это была чистая правда.

- Странно, я думала, вы встречаетесь.

Я помотала головой. Интересно, какое ей дело до того, с кем я встречаюсь? Поговорить больше не с кем и не о чем?

Девушка поняла, что друзьями нам не быть, и молча отошла в сторону стихийно образовавшейся компании офисных девчат. Я их практически не знала. Они обитали на другом этаже.

- Вы слышали, Семёнов теперь с секретаршей Копытина? - донёсся до меня обрывок чужого разговора.

Провокационный вопрос поднял волну щебетания. Девочки увлеченно чирикали, обсуждая подробности любовных походов Семёнова. Кажется, делали ставки на то, как долго неведомая секретарша продержится в роли нового

увлечения нашего сердцеда.

Я прислушалась, пытаюсь вспомнить, кто такой Копытин и что это за шустрая секретарша, которая умудрилась окрутить свободолюбивого айтишника. Потом до меня дошло, что речь о Ларочке. Добилась-таки своего! Мне вдруг стало обидно. У меня тут жизнь под откос, а Семёнов решил остепениться. Вспомнились глупые мечты об айтишнике, когда я ошибочно принимала мелкие подношения в виде кофе или плюшки за знаки внимания к своей никчёмной персоне. И с чего я тогда решила, что Семёнов может мной заинтересоваться? Такие, как он, никогда не смотрят в сторону таких, как я. Ларочка другое дело. Ларочка – девочка с обложки. Признак статуса. Дорогой аксессуар. Мне такой не стать, при всём желании. Глаза защипало от слёз.

Офисные девчонки довольно быстро разбрелись. Я же попинала ещё какое-то время свою самооценку. После того как она, несчастная, и без того не сильно здоровая, сдохла под ударами тяжёлых сапог самобичевания, поднялась и пошла на работу, чтобы продолжить влачить унылое существование.

В лифт следом за мной прошмыгнул Семёнов. Лёгкок на помине! Как всегда, свеж, бодр и весел. Интересно, у него когда-нибудь бывает плохое настроение?

– Афанасьева, ты от меня прячешься, что ли? Полдня тебя ищу.

– Зачем? – хмуро буркнула я. Мысль о том, что айтишник отлично проводит время в обществе Ларочки, раздражала невероятно. – Больше гадости говорить некому?

– Афанасьева, какая муха тебя укусила?

– У меня вообще-то имя есть, – огрызнулась я.

– В курсе, – кивнул Семёнов. – У меня, кстати, тоже.

Не знаю, до чего бы мы договорились, но я вдруг почувствовала, как резко дёрнулся лифт. Хотя, судя по вытянувшемуся лицу айтишника, это не лифт дёрнулся, а со мной что-то произошло. Ах, ну да, я рухнула на пол.

– Арин, ты чего? Ты как? – обеспокоенно спросил Семёнов, плюхнувшись на колени и растерянно уставившись на меня.

С ума сойти! Семёнов на коленях передо мной! Это была последняя мысль, после которой я отключилась.

– Напугала ты нас, Арина, – сказала Катя. – Я тебе ещё в понедельник предлагала на больничный уйти. Но ты решила погеройствовать. Всё, хватит. Больше никаких задержек. Ровно в шесть домой. И не спорь!

Я покорно кивнула, хотя внутренне возмутилась. Легко говорить. А кто мою работу делать будет? Меньше-то её не станет.

Приподнялась в мягком широком кресле, огляделась. Моё брэнное тело располагалось в приёмной вице-президента. Ларочки, к счастью, на месте не было.

– Кто меня сюда сгрузил? – поинтересовалась я у Кати.

Путь до приёмной выпал из памяти.

– Семёнов принес.

– Как принес? На руках, что ли? – почему-то представилось, как Семёнов волочит меня по полу за ногу.

– Нет, блин. На тележке из супермаркета прикатил. На руках, конечно.

– Делааа, – задумчиво протянула я. Надеюсь, айтишник не надорвался. Вообще-то за последние дни я скинула килограммов десять, не меньше. Так что спину потянуть не должен. – А сам он где?

– «Скорую» встречает.

– «Скорую»-то зачем? – как-то смущал ажиотаж вокруг моей скромной персоны.

– А ты как думаешь? Может, следовало оставить тебя валяться в лифте до вечера? А там бы пришли уборщицы и вынесли на мусорку.

Интересная у Кати фантазия. Но, наверное, она права, что бьет тревогу. Её сотрудник чуть не помер на рабочем месте.

После приезда «скорой» выяснилось, что сегодня у них не первый такой вызов. Что-то происходило с атмосферным давлением. Под его воздействием упало моё давление, и я вместе с ним. Катя бесцеремонно выставила меня из конторы со строгим наказом завтра на работе не появляться. Она же вызвала такси.

– Семёнов, ты зачем в машину лезешь? – хмуро поинтересовалась я у айтишника, который пристраивался рядом со мной на заднем сиденье автомобиля. – До дома я самостоятельно могу добраться.

– Ага, – согласился айтишник и захлопнул дверцу. Такси плавно двинулось. – Может, ты хочешь мне что-то сказать?

Вообще-то он был прав. Сказать следовало многое. Семёнов повёл себя сегодня как истинный джентльмен, это неоспоримый факт. Но слова благодарности застряли в горле и царапали его, не желая выбираться наружу. Я кашлянула и опустила голову.

– Ну же, Афанасьева, давай, – не унимался Семёнов.

– Сссспасибо, – просипела я.

– Вот видишь, совсем не сложно. Пожалуйста. А поцелуй будет?

Семёнов сделал попытку придвинуться ко мне. Я начала лихорадочно дёргать ручку, готовясь выпрыгнуть из машины на полном ходу.

– Видимо, нет, – хмыкнул айтишник и оставил попытки сократить расстояние между нами.

Семёнов, как настоящий рыцарь, сопровождал меня до квартиры. Я захлопнула перед его носом дверь и вздохнула с облегчением.

Оставшись одна в пустой квартире, вернулась к своему любимому занятию – псевдопсихоанализу. Тщательному разбору подверглось всё, что происходило со мной за последнее время. Стремительный роман с Принцем и его отвратительный, тошнотворный финал с последующим игнорированием моей персоны. Мальчик добился поставленной цели и охладел, не желая погружаться в выяснение отношений. А зачем? Вполне предсказуемо. Что я, собственно, для него значу? Ничего. Поведение Семёнова, его бесконечные попытки вывести меня из себя, моё глупое увлечение им, когда я бросала в его сторону робкие взгляды и тихо млела от каждой улыбки. А потом поняла: ещё как минимум десятка два девчонок в его присутствии точно так же трепещут ресницами и с надеждой ожидают приглашения в кафе или кино. А он всё видит, всё понимает, и, безусловно, ловит кайф от всеобщего восхищения, раздавая авансы направо и налево. Разве он не урод после этого? Сколько бессонных ночей потрачено на него. А главное, для чего? К чему всё это привело? К простому приятельству. К пустым разговорам ни о чём. К выслушиванию пошлейших рассказов о его победах. Я, женщина, – друг. Унизительно. Мучительно. Бесперспективно.

Здравая мысль о том, что уж айтишник-то в моих бедах не виноват, более того, возился сегодня со мной, была отмечена с ходу. Герр Фрейд, поселившийся в голове, оспорил это утверждение и привел контраргументы. Семёнов действовал так исключительно к своей выгоде. После его куртуазного поступка местные дамы ещё сильнее проникнутся к нему симпатией. Хотя куда уж сильнее. Плевать ему на меня. Как, впрочем, и всем остальным. Даже Принц не соизволил выяснить причину моего охлаждения. Да и к чему? В нашей конторе полно красивых девушек, которые безо всяких психологических заморочек бросятся в приветливо распахнутые объятия. Семёнова ли, Павла ли. Им, наверное, всё равно. Как и парням, собственно. И никому не нужна твоя прекрасная душа, Афанасьева. «Это мир заменяемых; что может быть смешнее твоего протеста. Поучись относиться к себе как низшему из существ»[1 - Вера Полозкова. «Это мир заменяемых»].

В итоге додумалась до того, что такое ничтожество, как я, не имеет права на дальнейшее существование. От суицида останавливала единственная здравая мысль: хозяйка квартиры, которую я арендовала, не заслужила подобного счастья.

Но мысль о самоубийстве, тем не менее, казалась невероятно притягательной. Я с упоением смаковала ее. Жаль, не успела обзавестись каким-нибудь милым домашним питомцем, который мог бы обглодать мои бранные останки. Я

представила себе лицо Семёнова, обнаружившего эту макабрическую картину. Но что айтишнику делать в моей квартире? Скорее уж, хозяйка, не дождавшись ежемесячного платежа, примчится на разборки. Но хотелось, чтобы первой меня всё-таки обнаружил Семёнов. Как наяву представляла, что он приходит в ужас от факта моей преждевременной кончины во цвете лет и впадает в отчаяние. А затем отправляется в монастырь – до конца жизни замаливать свои грехи передо мной. Надо только грамотно предсмертную записку сочинить, чтобы не возникало сомнений, кто довел меня до черты. Потом я представила лицо мамы, получившей известие о скоропостижной смерти дочери, и как-то сразу погрустнела. Нет, самоубийство стоит отложить.

Подобная белиберда крутилась в голове, как попавшая в чарт убогая мелодия, весь оставшийся день и бессонную ночь. Утро пятницы я встретила психически больным человеком. У меня наблюдался практически полный набор симптомов: бредовые идеи, спутанность сознания. Не хватало только тихих вкрадчивых голосов, чтобы диагноз можно было считать подтвержденным.

Под вечер в квартире раздался звонок, от которого я подпрыгнула на месте и закричала. Настолько неожиданным и громоподобным показался звук. Памятуя о предыдущих визитах Павла, посмотрела в глазок. Пускать в дом этого человека я не собиралась.

Но посетителем оказался не Павел. На лестничной площадке мялся Семёнов.

– Решил проверить, как ты тут, – сообщил айтишник, когда я открыла дверь.

Не дожидаясь приглашения, шагнул в прихожую. Я прислонилась к косяку и, скрестив руки, наблюдала, как айтишник разуваётся.

– Ох, ни фиги себе! – выдал Семёнов, присмотревшись к моему лицу. – Что с тобой творится, Афанасьева? Может, врача вызвать?

Я помотала головой и прикусила задрожавшую губу.

Семёнов бесцеремонно прошествовал на кухню, открыл холодильник.

– Афанасьева, как ты жива-то ещё? Ты чем вообще питаешься?

Не дождавшись ответа, вытащил на свет литровую бутылку текилы, которая вот уже третий год странствовала со мной по Москве. Из одной квартиры в другую. Не люблю крепкий алкоголь. Текила была куплена в стародавние времена в дьюти-фри турецкого аэропорта и должна была стать украшением моего стола по случаю дня рождения. Но на неё до сих пор так никто и не позарился.

– Давай, Афанасьева, садись, – айтишник взял меня под локоток и препроводил к креслу. – Сейчас лечиться будешь.

Семёнов порылся в кухонных шкафах и достал один из винных бокалов. Спасибо, что не полторалитровый. Есть у меня такие. Используются для дорогих вин, чтобы можно было позволить себе насладиться букетом. Айтишник щедро плеснул в бокал текилы и поставил его передо мной. Я помотала головой и отодвинула целебную микстуру из агавы.

– Чё так?

– Не люблю текилу, – прохрипела я севшим от двухдневных рыданий голосом.

– Понятно... Так. Я в магазин. А ты сиди тут и никуда не уходи.

А куда мне идти? Кому я нужна? Предательские слёзы заструились по щекам.

– Не реви, Афанасьева! Я мигом. Не успеешь соскучиться.

И Семёнов выскочил за дверь. Вернулся он довольно быстро, что неудивительно. На первом этаже дома располагались все необходимые магазины.

Айтишник принялся хозяйничать на моей кухне. Засунул в микроволновку пиццу, расставил тарелки, разложил вилки с ножами. Когда пицца уже дымилась в тарелках, на столе появилась бутылка моего любимого вина. Он что, телепат?

– Как ты узнал?

– Ничего сложного. У тебя тут алкогольный супермаркет в доме. Показал консультантам твою фотку в телефоне, они и рассказали, что ты обычно покупаешь. На всякий случай взял две.

Господи! Это ж надо так уметь! Всего одной фразой выставить меня алкоголиком-неудачником.

Утро. Голова трещит. Во рту песчаные барханы. Так. Что было вчера? Вечером появился Семёнов. Кормил меня, поил. А когда он ушел? Не помню. Остаток дня обрывался, как кинохроника убитого репортёра. Ладно, неважно. Главное, чтобы на работе не трепался о том, в каком виде меня застал.

– Здорово, Афанасьева, – раздалось слева от меня.

О нет! Только не это! Господи, сделай так, чтобы голос Семенова мне померещился! Пожалуйста!

Не померещился.

Айтишник, на котором из одежды были лишь облегающие боксеры, перелез через мою тушку, поднялся, бросил хитрый взгляд.

– Как голова? Не болит?

– Болит, – на автомате ответила я, переживая, пожалуй, самый сильный шок в своей жизни.

Потом подорвалась, чтобы встать, но плюхнулась обратно. Нет, пока лучше не шевелиться.

С сомнением посмотрела на Семёнова. В голове закрутился незатейливый мотивчик: «Дала, не дала, не могу понять»[2 - Группа «Ленинград»].

– Семёнов, только не договори, что у нас... Что мы с тобой...

– Расслабься, Афанасьева, не скажу. Не было ничего.

Я облегчённо выдохнула.

- Ты не в моем вкусе, - добил меня парень и отправился на кухню.

Даже не знаю, радоваться или огорчаться.

Вернулся он с кружкой, в которой что-то шипело и булькало.

- Надеюсь, это яд? - с надеждой спросила я.

- Аспирин. Пей давай, ты мне живая нужна.

Интересно, для чего? Я же вроде как не в его вкусе.

Взяла заботливо протянутую кружку, с трудом поднялась, чтобы не облиться, пока буду пить. Одеяло соскользнуло.

- А почему я... Почему на мне нет одежды? - задыхаясь, спросила я.

- Ты ничего не помнишь, что ли?

Помотала головой, глядя на айтишника круглыми глазами.

- Так ты вчера ко мне приставала, - улыбнулся парень.

Всё. Полный провал! Убейте меня!

- Ты же сказал, что ничего не было!

- Так ничего и не было. Я ведь уже объяснил, ты не в моем вкусе. Но задница у тебя ничего так, - с этими словами Семёнов направился в ванную.

Обалдеть! Я к нему вчера приставала! Голая! Жесть какая! А он? Он побрезговал. Несмотря на то, что задница у меня «ничего так».

«Ну почему это не яд?» - вопрошала я господа бога, давась растворённым в воде аспирином.

Прилагая невероятные усилия, поднялась с постели. Срочно требовалось одеться, пока мужчина, с которым я провела сегодняшнюю ночь, плещется в душе. Где халат? Халат оказался неподалёку. Валялся на полу возле дивана. Пока поднимала его, упустила один важный момент – появление в комнате айтишника. Он тихо хмыкнул. Я взвизгнула и, путаясь в рукавах, принялась натягивать на себя махровое изделие.

Семёнов стоял передо мной прекрасный и рельефный, как мраморное изваяние Аполлона. На загорелой татуированной коже, под которой бугрились чётко очерченные мышцы, сверкали капельки воды. И всё это великолепие было слегка прикрыто полотенцем, характерно топорщившимся пониже талии. Полотенцем, которым я сушу волосы, между прочим. В руке у Аполлона была моя зубная щетка. Спать со мной он, значит, побрезговал, а пихать в рот мою зубную щетку – это ничего, это нормально. Просто нет слов!

– Афанасьева, дуй в душ. Даю тебе десять минут на то, чтобы привести себя в порядок, – с этими словами парень вручил мне осквернённую зубную щетку.

Я послушно прошмыгнула в ванную. Куда угодно, только подальше от этого ошеломительного зрелища. Кажется, я ослепла. Айтишник оказался лучше, чем я себе представляла даже в самых смелых мечтах трехмесячной давности.

Пока я находилась в душе, Семёнов развил на кухне бурную деятельность. Там что-то шипело и шкворчало, по квартире разносились умопомрачительные ароматы. Я быстро натянула джинсы с футболкой и босиком прошлёпала на кухню.

Семёнов поставил передо мной яичницу с беконом, салат из помидоров со сметаной и большую кружку кофе. Какие аккуратные глазки у яичницы. Ни один не потёк. Как ему это удастся? Я так не умею. Идеальный мужчина!

– Похмеляться изволите? – ехидно поинтересовался идеальный мужчина.

Козлина! Пожалуй, восхищение было преждевременным.

– Ну, нет так нет, – правильно истолковал мой злобный взгляд исподлобья айтишник. – Всё равно после вчерашнего ничего не осталось. Горазда же ты вино хлестать. Да не переживай так, я никому не скажу. Это будет нашей

маленькой тайной, – и подмигнул.

Ну точно, вонючее рогатое животное!

– Сколько с меня за банкет? – поинтересовалась я, желая отдать всё до копейки и даже приплатить сверху. В качестве чаевых.

– А вот это уже обидно, Афанасьева! Я, между прочим, от чистого сердца. И потом, у меня зарплата в два раза выше твоей. Так что не волнуйся, не разорюсь.

Я кивнула. Ну да, зарплата в два раза выше, работы в три раза меньше. Нет в жизни справедливости. Зачтём щедрость Семёнова в счёт перераспределения материальных благ между капиталистами и пролетариатом.

Парень собрал пустую посуду со стола. Я думала, он просто сгрузит её в раковину. Но Семенов, видимо, решил окончательно меня добить. Полуголый мужчина (он надел только джинсы, предпочитая щеголять безупречным обнажённым торсом), живая реклама стрип-клуба, мыл посуду на моей кухне. Полный разрыв шаблона!

– Афанасьева, ты долго ещё планируешь мной любоваться? – разрушил Семёнов очарование момента. – Собирайся, через пять минут выходим.

– Куда?

– Куда надо. На месте узнаешь.

Через пять минут мы толкались в прихожей, мешая друг другу. Семёнов занимал слишком много места в моей маленькой квартире и моей тихой скромной жизни. Когда я собралась было натянуть куртку, он вырвал её из моих рук для того, чтобы помочь одеться. Открыл входную дверь, пропуская вперед.

Вот как в одном человеке умудряются сочетаться язвительное хамство и джентльменская галантность?

Во дворе он взял меня под руку и повёл в сторону автомобиля – массивного седана чёрного цвета. Открыл передо мной дверцу «лексуса». Откуда такие

роскошества у простого айтишника?

- Семёнов, ты что, банк ограбил?

- Нет, директора водокачки, - хмыкнул он. - Залезай давай.

Семёнов гнал автомобиль по полупустым дорогам утренней Москвы в сторону центра. Через полчаса мы въехали в один из дворов в районе Чистых прудов.

- Всё, Афанасьева. Дальше на своих двоих.

Далеко идти, однако, не потребовалось. В нескольких метрах от того места, где был оставлен автомобиль, на первом этаже жилого дома располагалась какая-то контора. Вывеску я рассмотреть не успела.

Внутри было вполне прилично. Свежий ремонт, новенькие двери по всей длине коридора. Светло, чисто и тихо. Вообще-то сегодня суббота. Все нормальные учреждения закрыты. Интересно, куда меня притащил айтишник?

Мы вошли в один из кабинетов, где находилось три офисных стола. Занят был только один. На нас через толстые стёкла очков в роговой оправе внимательно смотрел полноватый лысый мужчина предпенсионного возраста.

- Доброе утро, Захар Матвеевич, - поприветствовал его Семёнов. - Вот, пострадавшую привел. Посмотрите?

- Приветствую, Алексей. Доброе утро, барышня. Проходите, присаживайтесь.

Меня усадили на стул перед столом Захара Матвеевича.

- Ну-с, рассказывайте.

- Что рассказывать? - не поняла я.

- Кто на вас напал, когда это случилось, какие симптомы имеются в наличии.

Я перевела недоумённый взгляд с мужчины на Семёнова. Они что, с ума посходили?

– Симптомы появились в понедельник, – принялся отчитываться Семёнов. – Может, конечно, и раньше, но я заметил только в понедельник. Вялость, апатия, раздражительность, расфокусированный взгляд. К середине недели она вроде бы выправилась, но в четверг свалилась в обморок прямо на работе. Вчера зашёл проведать, она была в невменяемом состоянии. Укусов и иных повреждений на теле нет. Я проверял.

У меня брови полетели вверх. Так вот почему я оказалась совершенно голой! Он какие-то укусы на мне искал. Точно, больные люди. Так, минуточку. Не из-за этой ли проверки я не могу вспомнить, чем закончился вчерашний вечер?

– Ты мне что-то в вино подмешал, да? Ты совсем чокнутый, Семёнов?! Оба вы чокнутые! Я пошла, а вам счастливо оставаться. И не подходи ко мне больше. Ты понял, Семёнов? Или я за себя не отвечаю.

Я попыталась встать, но не тут то было. Парень железной рукой надавил на плечо, вынуждая остаться на месте. Сильный, зараза!

– Арина, так было нужно. Я думал, бутылки вина хватит, чтобы ты отрубилась. Но ты же пьёшь как лошадь и не пьянеешь при этом. Что мне ещё оставалось делать? Я вообще-то о тебе беспокоился.

Я трепыхнулась было, но захват Семёнова свёл на нет все мои попытки освободиться.

– Ариш, не дёргайся, иначе мне придётся применить силу.

– Какая я тебе Ариша! – заорала я. – Руки убрал, придурок! Или я в полицию пойду.

– Иди, – спокойно парировал Семёнов, не реагируя на угрозы. Руки он так и не убрал. Ещё крепче сжал мои несчастные плечи. Наверное, синяки останутся. – Только учти, мне ничего не будет. Я при исполнении.

В наше противостояние вмешался мужчина:

– Алексей, прогуляйся-ка до кухни. Чайку приготовь. И не торопись. А мы с барышней пообщаемся пока в спокойной обстановке.

Семёнов послушно кивнул, отпустил меня и покинул кабинет. Захар Матвеевич дошёл до двери, щёлкнул замком. Я вскочила, не зная, к чему готовиться. Осмотрелась по сторонам в поисках предметов самообороны и на всякий случай схватила дырокол. Массивный такой, тяжёлый. Наделаю сейчас дыр в голове кое-кому.

– Ну-ну, Арина. Успокойтесь. Я не причиню вам ни малейшего вреда. Поверьте мне. Садитесь. Мы с вами просто поговорим.

Голос был мягким и обволакивающим, как сладкая вата. Меня сковало странное оцепенение. Я покорно опустила на стул, разжала пальцы. Дырокол с грохотом свалился на пол. Мужчина подошёл ко мне, поднял очки на лоб и уставился на меня глубокими, как омуты, карими глазами. Что было потом, не помню. Слишком часто я стала терять сознание.

Пришла в себя на диване в незнакомом кабинете. Добро пожаловать в наш дерьмовый мир обратно[3 - Мультфильм «Масяня».], Афанасьева.

Осторожно осмотрелась. Вроде бы моей безопасности ничего не угрожает. Пока. Но как я оказалась на этом диване? Неужели Семёнов опять на руках таскал? Очевидно, да. Больше некому. Рядом тихо переговаривались мужчины.

– Ты вовремя спохватился, – говорил Захар Матвеевич. – Ещё пара дней – и реанимация. А дальше... Ты и сам знаешь. Всё-таки эта тварь питается в вашей конторе. Ты был прав.

– Что будет с Ариной?

Мне показалось или в голосе Семёнова действительно промелькнуло искреннее беспокойство?

– А что с ней не так? Она в полном порядке. Все повреждения я устранил. Будет как новенькая. Пройдет пару стандартных процедур: регистрацию и постановку на учет. Начнет регулярно отмечаться. Можно попробовать привлечь её к работе. Сам знаешь, с кадрами такого профиля у нас напряжёнка.

Какая ещё работа? Можно подумать, мне своей мало. Решила подать признаки жизни, пока они не надумали продать меня в сексуальное рабство.

– Я протестую! Регистрация у меня уже есть, без неё на работу не принимали. Работа, кстати, тоже.

– Ариночка, – возник передо мной Захар Матвеевич, – очень хорошо, что вы очнулись. Как самочувствие?

– Вроде ничего, – ответила я, поднимаясь.

Самочувствие, если честно, было просто прекрасным. От навязчивого бреда не осталось и следа, как и от слабости, которая мучила всю неделю. Хоть сейчас марафон беги.

– Ну и чудненько. А теперь милости прошу к столу. Алексей как раз свежий чай заварил.

Мне подали руку и галантно проводили к столу, придвинули стул. Семёнов тем временем разливал чай. В хрустальной вазочке лежало печенье. Я потянулась за ним, настороженно осматриваясь. Мы находились в помещении, видимо, предназначенном для отдыха сотрудников этой конторы. Третью комнаты занимал кухонный гарнитур. В наличии имелись холодильник, микроволновка, кофемашина. Ну и, собственно, длинный стол, за которым я восседала, а также несколько стульев и диван, где до этого валялась.

Наступила небольшая пауза, во время которой я успела схрумкать несколько печенек и выпить полкружки чая, который стараниями Семёнова оказался на высоте. В очередной раз поразилась, как из обычной заварки и кипятка он умудрился приготовить настоящий шедевр.

Захар Матвеевич сделал пару глотков, после чего отставил кружку, снял очки и посмотрел на меня острым взглядом человека, отнюдь не имеющего проблем со зрением.

– Вижу, вы уже оправились, Арина. Полагаю, теперь можно поговорить.

Кивнула. Поговорить, действительно, стоило. Мне много чего хотелось сказать этим нехорошим людям.

– Видите ли, Арина, дело в том, что на вас было совершено нападение. Дослушайте, пожалуйста, – пресёк мои попытки возразить мужчина. – Так вот. Нападение не в привычном для вас смысле этого слова. Всё намного тоньше. Нападавший не является человеком как таковым. Это некая демоническая сущность, которая паразитирует на людях, питается их эмоциями и жизненной силой. Внешне состояние реципиента ничем не отличается от обычного. Поначалу всё выглядит так, словно у него приступ плохого настроения, затем он скатывается в депрессию, испытывает апатию и слабость. Постепенно у жертвы паразита проявляются серьёзные заболевания, которые неизбежно ведут к смерти. Если человек силен и здоров, то может жить в таком состоянии достаточно долго, беспрепятственно обеспечивая паразита пищей. На это могут уйти месяцы, реже год или два. Бывает, что жертва на момент контакта с паразитом уже имеет какое-нибудь заболевание. В таком случае контакт обрывается достаточно быстро. Паразит, как вы понимаете, заинтересован в постоянном источнике пищи и старается выбрать более крепкого реципиента. Идеальным местом для контакта являются организации, в которых работает много молодежи. Такая, где вы с Алексеем трудитесь, например. Ваш случай, Арина, несколько выбивается из стандартных рамок. Вы здоровая девушка и могли бы кормить паразита довольно долго. Но тем не менее сегодня, когда Алексей привез вас сюда, были уже на грани. Опоздайте вы на несколько дней, и летальный исход оказался бы неизбежен.

Я осознала перспективы и поёжилась.

– Не знаю, что спровоцировало эту тварь на столь откровенное высасывание, – продолжил мужчина. – Обычно они довольно осторожны, что затрудняет их обнаружение. Возможно он или она, пока мы не уверены в половой принадлежности паразита, пострадал физически, и ему срочно требовалась подпитка. Возможно, почувствовал угрозу и решил насытиться впрок. В любом случае вы должны быть благодарны Алексею. Его своевременное вмешательство

спасло вам жизнь.

Я перевела взгляд на Семёнова. Герой дня сидел со скучающим видом, подперев подбородок кулаком. Похоже, рассказ Захара Матвеевича не нёс для него ничего нового. Ему всё это было давно известно.

– Семёнов, а Семёнов ли ты вообще? Кто ты такой?

– Бонд, Джеймс Бонд, – улыбнулся парень.

Ага, очень смешно. У меня тут картина мира в труху, а он ёрничает. Должно быть, на моём лице отразилось что-то этакое, от чего айтишник взбодрился и сообщил:

– Да Семёнов я, успокойся. Алексей Семёнов. Могу паспорт показать, если не веришь. В вашей конторе работаю под прикрытием. А вообще являюсь сотрудником, – тут парень покосился в сторону Захара Матвеевича, – одной государственной организации. Закрытого типа. Захар Матвеевич тебе лучше объяснит.

– Арина, – вступил в разговор мужчина, – мы с Алексеем действительно работаем на правительство. Задача нашей организации вести учёт и контролировать тех граждан, которые несколько отличаются от остальных. Алексей поступил к вам на работу для того, чтобы вести наблюдение за одним человеком, то есть не совсем человеком. Этот гражданин подозревался в финансовых махинациях, которые совершал с помощью своих способностей. Но своевременно осознал общественную опасность своего поведения, раскаялся и стал активно сотрудничать со следствием. Сдал соучастников, за что получил условный срок и приставленного к нему наблюдателя. Так вот, этот раскаявшийся гражданин занимает достаточно высокий пост в вашей организации.

– Это он меня отвампирил? – поинтересовалась я.

Семёнов фыркнул, чем заслужил неодобрительный взгляд Захара Матвеевича.

– Нет, он не является тем паразитом, который на вас напал. Ваш коллега – обычный ведун. Что касается личности нападавшего, она пока, к сожалению, не

установлена. Мы заметили неладное пару недель назад. В нескольких домах, расположенных возле вашей фирмы, произошла череда странных смертей, на первый взгляд между собой никак не связанных: самоубийства, инфаркты, инсульты. Обычная, казалось бы, картина. В мире каждый день умирает более ста шестидесяти тысяч человек. В Москве – около семисот ежедневно. Но процент смертности в домах, соседствующих с вашей фирмой, существенно превышает стандартный. Мы заинтересовались. Провели некоторые процедуры и установили, что причина смерти всех пострадавших одна и та же – полное изъятие жизненной энергии. Сейчас мы пристально следим за вашей организацией, и вы, Арина, очень нам поможете, если расскажете, с кем в последнее время контактировали и почувствовали ли после этого контакта какие-то негативные изменения.

Я отложила печенье, которое собиралась было отправить в рот, тяжело вздохнула и опустила голову. Разве можно об этом вот так запросто рассказывать? Словно всё происходило не со мной, а с какой-то абстрактной пострадавшей? Да ещё при Семёнове? Чтобы он понял, что гордая и независимая Арина Афанасьева – абсолютный неудачник? Что она не в состоянии заинтересовать нормального парня, а только какого-нибудь упыря или зомби? Или как он там в их правительственной организации правильно называется? А уж делиться пикантными подробностями кормежки означенной сущности и вовсе нет никаких моральных сил. Нет уж. Лучше я этого гада сама канцелярским ножом на лоскуты покромсаю.

– Афанасьева, чего ты ждёшь? Колись давай. Кто довел тебя до такого состояния?

Я молчала. Мне совершенно не хотелось делиться унижительными подробностями своей личной жизни.

Семёнов задумался. Ненадолго. Когда я подняла на него глаза, то увидела, как переменилось его лицо, нехорошо сощурились глаза и заходили желваки.

– Это Павел, да? У вас что-то было?

Я снова опустила голову. Щёки полыхали так, что на них можно было картошку жарить.

– Я этого козла урою! Я этому пид...су яйца откручу!

– Алексей, – поморщился Захар Матвеевич, – ты слишком эмоционально реагируешь. В конце концов, Арина жива и прекрасно себя чувствует. Так ведь, Арина?

Я кивнула. Но Семёнова это нисколько не утешило. Он вскочил со стула и принялся расхаживать по комнате, сжимая кулаки и потрясая меня своими познаниями в области обценной лексики. Когда поток спонтанной речевой реакции иссяк, Захар Матвеевич указал моему коллеге на стул. Семенов послушно опустился на него. После чего уставился на меня бешеными глазами. Если он сейчас скажет какую-нибудь гадость, например, спросит, понравилось ли мне, прокляну. Честное слово.

– Арина, я его убью, – удивил меня Семёнов. Говорил он спокойно. Даже слишком спокойно для человека, который секунду назад существенно пополнил мой словарный запас.

– Алексей, а не кажется ли тебе, что ты слишком много на себя берёшь? – подозрительно мягко поинтересовался Захар Матвеевич. – Может, мне стоит напомнить, кто здесь старший по званию и кто отвечает за проведение операции? Не нужно? Ну и чудненько. Никого ты не убьёшь. По крайней мере, без моего на то позволения. И, будь любезен, не позорь звание офицера подобного рода выходками. Держи себя в руках. Не в районном ОВД служишь всё-таки.

Семёнов промолчал. Но по выражению его лица было понятно: он всё осознал и непременно исправится. Когда-нибудь. Потом.

– Как я понимаю, с подозреваемым мы определились, – подытожил Захар Матвеевич.

Мы с Семёновым синхронно кивнули.

– Что ж, прекрасно. Осталось обсудить детали операции по его задержанию. Желательно сделать все незаметно, не привлекая ненужного внимания коллег к вашим персонам.

После того как план был тщательно проработан, Захар Матвеевич решил уделить внимание мне.

– Ариночка, вот ещё что. Вам нужно будет пройти несколько бюрократических процедур. Ничего сложного. Сканирование ауры, регистрация и ежеквартальный учет.

– Это ещё зачем? – слегка прифигела я.

– Как я уже говорил, мы ведём учет лиц, несколько отличающихся от обычных граждан, следим за соблюдением ими установленных правил поведения.

– А зачем вам регистрировать меня? Я же не из тех граждан, которые несколько отличаются от остальных.

– Это не совсем так, Ариночка. Видите ли, вы у нас ведьма.

– Кто? – я поперхнулась чаем, да так, что он вышел носом.

– Ведьма, – повторил мужчина, участливо наблюдая за тем, как я откашливаюсь, отплеываюсь и утираюсь. – А посему вам надлежит пройти все стандартные процедуры и соблюдать все установленные правила. Зайдите к нам в понедельник после работы. Это не займёт много времени.

– Ведьма, – задумчиво протянула я.

Что-то не припомню полётов на метле при свете полной луны, танцев на Лысой горе, сделок с дьяволом. Не слишком ли скучно я живу для ведьмы?

– Да-да, ведьма, – развеял мои сомнения Захар Матвеевич. – И, судя по ауре, потомственная.

– Странно. У меня обычная семья, никто из родственников особыми способностями не наделен.

– А хорошо ли вы знаете всех своих родственников?

Задумалась, затем помотала головой. Действительно, я близко общаюсь только с теми, с кем поддерживают связь родители.

– А предков своих до какого колена знаете?

– Бабушек и дедушек. Всё, пожалуй.

– То-то же! – поднял указательный палец вверх Захар Матвеевич. – И как, не зная истории своего рода, вы можете делать вывод о том, что никто в этом самом роду не обладал сверхъестественными способностями? Магический дар не передается от одного члена семьи другому посредством ритуалов, как модно сейчас думать. Он изначально заложен в человеке. В его геноме. Разного рода ритуалы по передаче дара лишь способствуют его пробуждению, раскрытию. Но и без этого человек, имеющий дар, способен обнаружить его в себе и развить. Вот, например, в нашем случае. Не привези вас Алексей сюда, вы бы так и находились в неведении относительно своих особенностей. Жили бы обычной жизнью до конца дней. А может быть, случись какая-нибудь сверхстрессовая ситуация, которая потребовала бы полной мобилизации всех сил и резервов организма, этот дар проявил бы себя и, скажем, спас вам жизнь.

– Так у меня уже была такая ситуация! И я едва не погибла. Вы же сами сказали, что если бы Семёнов не притащил меня к вам, я бы уже созерцала свет в конце тоннеля.

– Удача. Тоже немаловажный фактор. Вполне возможно, вам везёт несколько больше, чем обычным людям.

Я фыркнула. Ну да, везёт, как же! За два года каторжной работы в конторе ни повышения в должности, ни увеличения зарплаты. Несколько лет мотаюсь по съёмным углам, экономлю каждую копейку в попытке накопить на первоначальный взнос, чтобы взять ипотеку. Едва ли половину нужной суммы собрала. Фортуна меня любит, без сомнений.

– Зря вы так. Может быть, проявлением удачи является именно тот факт, что вы остались живы. И потом, вы ещё очень молоды, чтобы оценивать свою жизнь на предмет событий и явлений, которые подвели к самому благоприятному для вас разрешению той или иной ситуации. В общем, в одном я уверен абсолютно точно. Вы ведьма, Арина. Примите этот факт и используйте его в своих

интересах, но с учетом тех ограничений, что установлены для нашей братии. Без них никак, знаете ли. Одними только нормами морали человека от неблагоприятных поступков не удержишь.

– Нашей братии? Так вы тоже ведьма? То есть колдун или ведьмак?

– Я ведун, Арина. Маг, чародей, колдун, ведьмак – это всё слишком сказочно звучит. Нас принято называть ведунами. Я тоже состою на учёте в своей организации. Так же, как и остальные ведуны и ведьмы, должен следовать правилам. Так же, как и остальные, понесу ответственность в случае их нарушения.

– А Семёнов? Он тоже ведун?

– Алексей? Нет, он просто очень талантливый молодой человек. И я буду вам признателен, если вы согласитесь ему помочь. Всем нам помочь. У нас, знаете ли, не хватает кадров вашего профиля. Поэтому любая помощь будет бесценна.

– Почему не хватает кадров? Мне кажется, это довольно интересно. Уж точно интереснее, чем корпеть над бумагами и выслушивать потоки негатива от начальства и клиентов.

– Текучка у нас, Арина. Молодые ведуны и ведьмы быстро понимают: занявшись частной практикой, можно заработать в разы больше, чем готово платить Управление. Хотя зарплаты у нас весьма достойные.

– А вы, значит, идейный.

Захар Матвеевич рассмеялся.

– Нет, что вы. При чем тут идейность? Просто я прожил долгую жизнь и многое повидал. Был период, когда я зарабатывал именно своими способностями, но это в прошлом. Устал я от людей, Арина. От их мелочности, жадности и глупости. От нежелания осознавать последствия своих поступков и отвечать за них. Все грезят о красивой жизни. И совершенно не хотят прикладывать усилий для того, чтобы их мечты реализовались. Люди приходят к ведуну не затем, чтобы исправить себя и таким образом изменить свою судьбу. Нет, они приходят за

результатом. Как в магазин за новым пальто. Но жизнь – не магазин, а судьба – не драповая тряпка. Только большинство этого не понимает. Здесь же я свободен от необходимости общаться с клиентами. И потом, расследовать преступления, разгадывать головоломки весьма увлекательно, не находите? Однако в силу возраста я не могу выполнять оперативную работу. Занимаюсь исключительно аналитикой. Поэтому буду признателен, если вы согласитесь на какое-то время стать моими глазами и руками.

Я снова сидела в машине Семёнова. Он решил познакомить меня с участком, который курировал. На моих коленях лежала кipa распечаток, содержащих информацию, которую следовало изучить и соблюдать. Я начала с первой подшивки.

– Запрещается, – далее следовал список на нескольких листах. Я принялась зачитывать запреты по порядку их изложения, – вести незаконную предпринимательскую деятельность по обслуживанию населения.

– Ну, тут всё просто, – прокомментировал Семёнов. – Получи профильное образование в аккредитованных заведениях (если интересно, список принесу), потом зарегистрируйся в налоговой как ИП. После этого мы выдадим тебе лицензию. И вперёд, можешь заниматься честным отъёмом денег у населения.

– Ладно. Дальше. Запрещается заниматься деятельностью, подавляющей волю человека и лишаящей права свободного выбора сексуального партнера. Это что?

– Тоже просто. Запрещены привороты.

– А что будет за нарушение?

– Тюрьма.

Я засмеялась.

– Семёнов, ты меня за дуру, что ли, держишь? На каком основании тюрьма-то? Нет в Уголовном кодексе такой статьи, по которой можно привлечь за приворот.

За что меня посадят? За изнасилование?

Я где-то читала, что насильникам несладко приходится в местах не столь отдаленных. Не уважает их тюремное сообщество. Правда, это касалось мужчин. Про женщин не слышала ничего подобного. Как-то сложно представить женщину, насилующую мужчину. Но даже если и предположить возможность этого, сдаётся мне, в женской колонии такая дама станет пользоваться всеобщим уважением и почётом.

– Афанасьева, ты когда-нибудь слышала поговорку: был бы человек, а статья найдётся? Слышала? Вот то-то же. И потом, у нас свой Уголовный кодекс и свои тюрьмы. Куда тебе лучше не попадать. Поверь на слово.

– Ладно, убедил, никаких приворотов. Что тут у нас ещё? Запрещается причинять вред здоровью и имуществу граждан. Ну, со здоровьем вроде бы понятно. Порчи там всякие, сглазы. А с имуществом-то что?

– Проклятие на безденежье. Отъём успеха у одного человека и передача его другому. Сглазы типа: чтоб ты жил на одну зарплату или чтоб тебе пусто было. Масса вариаций.

Я снова рассмеялась. Давно так не веселилась, честное слово.

– Не смешно, Афанасьева. Ты пока не вошла в полную силу и серьёзного вреда причинить не можешь. Но если станешь развивать способности, придётся научиться сдерживаться. Например, толкнёт тебя какой-нибудь хам в метро, а ты даже плохо про него подумать не имеешь права, так как любая твоя негативная мысль, направленная в его адрес, повлечёт неприятные последствия.

Какие заманчивые перспективы! Это ж как развернуться можно при желании! А после ездить на работу в опустевшем метро. Сидя. И толкать никто не будет, на ноги наступать, обзывать. Красота! Что там за аккредитованные учебные заведения? Огласите весь список, пожалуйста.

– Даже не думай, Афанасьева! – правильно интерпретировал выражение моего лица Семёнов.

Тем временем мы приехали в один из районов, застроенный панельными хрущёвками. Семёнов припарковал машину и направился к подъезду с металлической дверью и кодовым замком. Я следовала за ним, предвкушая интригу. Кого он мне сейчас покажет: трехсотлетнего вампира, мохнатого оборотня или ещё какую невидаль?

Парень набрал код, и дверь распахнулась. Мы поднялись на третий этаж, позвонили в выбранную Семёновым квартиру. Я затаила дыхание, приготовилась удивляться. И удивилась. Нас встретила неопрятная грузная тётка в замусоленном халате и стоптанных тапках, в которой не было ничего сверхъестественного.

– Косметика не нужна, чайники и пылесосы тоже, – недружелюбно поприветствовала нас хозяйка квартиры. – Картошки своей в избытке.

– Рад за вас, – ответил Семёнов. – Но мы по другому вопросу. Вы вчера заявку оставляли по поводу затопления.

– Надо же, как быстро. Я вас раньше понедельника не ждала.

– Комфорт жильцов превыше всего. Нам очень дорого ваше мнение о нас. Дороже собственных выходных, – съехидничал Семёнов.

Хозяйка впустила нас в квартиру, попутно выдавая потоки жалоб.

– Второй год одно и то же. Как соседи сменились, так и началась морока. То на кухне потечёт, то в комнате. Про ванную даже не говорю. Мы там уже белить перестали. Никакого смысла. Только побелим потолок, снова пятно. Бассейн там у них, что ли? Сколько раз пытались поговорить, дверь не открывают. Притворяются, будто дома никого нет. Но мы-то знаем, что это не так. Слышно, как они там ходят, стулья передвигают, телевизор опять же не умолкает.

Мы с Семёновым бродили следом за хозяйкой, задумчиво изучая сине-жёлтые потёки на потолке. Заглянули на кухню, в ванную, осмотрели единственную комнату, в которой на диване лежал мужик. Мужик этот даже не взглянул в нашу сторону. Как загипнотизированный уставился в телевизор, где по заливному лугу лев гнал антилопу. Я заинтересовалась сюжетом. Интересно же, удастся ли несчастному копытному избежать печальной участи стать чьим-то

обедом. Не удалось. Я поморщилась и посмотрела на мужика. Тот был абсолютно безучастен к окружавшей его действительности. Раскинулся на диване в семейных трусах, резинка которых терялась под круглым волосатым животом. На полу рядом с диваном стояла початая бутылка пива. Меня передёрнуло. Картина чужой семейной жизни была пострашней убийства антилопы. Мистики, однако, никакой не наблюдалось.

Бросила недоумённый взгляд на Семёнова, который с серьёзным видом что-то записывал в блокнот.

- Вы уж разберитесь с ними, - попросила хозяйка квартиры.

- Не беспокойтесь, непременно, - уверенным тоном пообещал айтишник. - Пошли, Афанасьева.

- Куда?

- Разбираться.

И мы пошли. На следующем этаже, стоя перед закрытой дверью и вжимая палец в кнопку звонка, Семёнов сказал:

- А теперь, Афанасьева, смотри внимательно. Включай своё шестое чувство. Потом поделишься впечатлениями.

На сигнал никто не отреагировал. Семёнов позвонил снова, затем прижался ухом к двери, после чего пнул её несколько раз и довольно громко крикнул:

- Гражданка Мокрая, это Алексей Семёнов из Управления. Откройте. Я знаю, что вы дома, - и снова принялся барабанить по двери. - Гражданка Мокрая, не откроете по-хорошему, поступим с вами по-нашему. Потом не жалуйтесь на нарушение конституционных прав.

За дверью заскреблись, щёлкнул замок, и в образовавшемся проёме возникла высокая стройная блондинка с внушительным бюстом. Из одежды на ней было лишь чёрное кружевное бельё.

Блондинка грациозно облокотилась о дверной косяк, демонстрируя все очевидные достоинства своей фигуры.

– Ах, господин Семёнов, – с придыханием промурлыкала она. – Отчего же вы заранее не предупредили о своём визите? У меня не прибрано, да и сама я, как видите, не одета.

Я со злостью подумала, что времени одеться у роскошной блондинки было более чем достаточно. Так что пусть не врёт. Ясно же как белый день, подобный выбор одежды – хорошо продуманный тактический ход. Она определённо имеет виды на моего напарника.

– Гражданка Мокрая, мы по делу. На вас поступила жалоба. Вы позволите?

Семёнов махнул головой в сторону прихожей, давая понять, что не намерен общаться через порог. Вёл он себя как ни в чём не бывало. Прелести гражданки Мокрой оставили его равнодушным, в отличие от меня. Я же уставилась на блондинку с открытым ртом. Она скорее напоминала модель с обложки журнала «Плаувоу», чем живую женщину. И находиться рядом с ней было весьма некомфортно. Я в полной мере ощутила собственную непрезентабельность.

Блондинка томно повела точёным плечиком, отчего аппетитная грудь призывно колыхнулась. Как у женщины с такой талией может быть столь внушительный бюст? Всем известно, что женская грудь по большей части состоит из жира. Которого у этой дамы не было ни грамма.

– Проходите.

Семёнов склонился над моим ухом и прошептал:

– Афанасьева, подбери челюсть. И смотри внимательно. То, что ты сейчас видишь, – всего лишь морок.

Семёнов пропустил меня вперёд и закрыл дверь. Я шагнула в квартиру блондинки, ожидая застать там логово разврата. Логово встретило непрошенных гостей таинственным полумраком, тяжёлой влажной духотой и затхлым запахом стоячей воды.

Айтишник щёлкнул выключателем, и прихожая озарилась ярким светом. Я испытала новый шок. На полу прихожей волнами бугрился древний линолеум, на стенах висели лохмотья заплесневелых обоев, штукатурка на потолке отсырела и местами осыпалась. Кое-где набухали белесые капли. Одна из таких капель сорвалась с потолка и плюхнулась на пол в шаге от меня. Не такой интерьер я себе представляла, глядя на роскошную блондинку.

- Не желаете пройти в комнату? - поинтересовалась та.

- Обойдёмся, - ответил Семёнов, и я была с ним солидарна.

Кто знает, в каком состоянии комната? Вдруг доски пола отсырели и провалятся под нашим весом. Я представила себе, как мы с Семёновым падаем на диван соседа снизу - любителя пива и живой природы. Нет, спасибо. Мы там сегодня уже были. Нам и в прихожей неплохо.

- Гражданка Мокрая, на вас поступила жалоба от соседей. Суть жалобы, полагаю, ясна. Мы неоднократно беседовали с вами на предмет соблюдения простых правил проживания в человеческих домах. Если вы не в состоянии контролировать свои естественные проявления, Управление подберёт вам более подходящее жильё, где вы никого не побеспокоите.

- Знаю я ваше жильё! Хибара за сотым километром. Ну уж нет! Я никуда отсюда не уеду! Во-первых, я собственник этой квартиры, а во-вторых, у меня работа в шаговой доступности. Вы же знаете, что я не могу перемещаться в общественном транспорте.

- А где вы работаете? - поинтересовалась я.

Мне казалось, блондинка назовёт какое-нибудь известное модельное агентство.

- В фитнес-клубе. Я инструктор по плаванию.

Ответ удивил. С такими внешними данными и в местечковом фитнес-клубе?

- Гражданка Мокрая, - строго произнёс Семёнов, - выношу вам официальное предупреждение. Приведите квартиру в порядок, решите вопрос с соседями

миром. Компенсируйте причинённый ущерб и не допускайте повторения ситуаций. Учтите, ещё одна жалоба в ваш адрес, и переезда не избежать.

Блондинка надула и без того пухлые губы, но спорить не стала. Я же с интересом рассматривала инструктора по плаванию. Когда мой взгляд опустился к кончикам покрытых ярким лаком пальцев ног, вскрикнула от удивления. Возле ног блондинки разливалась лужа.

Семёнов, конечно, был суров с ней. Но подобная реакция, на мой взгляд, чрезмерна.

– Гражданка Мокрая, – Семёнов осуждающе покачал головой.

Блондинка вздрогнула, посмотрела на пол и бросилась в сторону туалета, откуда вернулась с ворохом тряпья. Тряпки были брошены в лужу и моментально впитали воду.

Я перевела взгляд на изящные щиколотки хозяйки квартиры. И онемела.

На том месте, где секунду назад стояла красивая молодая женщина, возвышалась желатиновая гора серо-зелёного цвета. В глазах у меня потемнело, вероятно, от шока. Реальность затянулась легкой дымкой и пошла зыбкой рябью. Когда туман перед глазами рассеялся и картинка восстановила четкость, я поняла, что мне не привиделось. А ещё поняла: надо бежать. Бежать сломя голову, оглушая прохожих истерическим криком. Но не смогла пошевелить и пальцем, намертво вмерзая в ветхий линолеум. Голос тоже отказал. Полный паралич, одним словом.

Гора имела перепонки между раздутыми, но тщательно наманикюренными пальцами рук и ног, тонкие черные росчерки по бокам горла, состоявшего преимущественно из череды подбородков, и длинные редкие засаленные волосы, через которые просвечивала грязная зелень черепа. Гора с хлюпающим свистом вдыхала и выдыхала воздух, колыхаясь при каждом вдохе. Человекообразная помесь Джаббы Хатт и мультяшного водяного уставилась на меня холодными и пустыми рыбьими глазами, изредка моргая белесыми мутными плёнками век, которые украшали два роскошных веера наращенных ресниц.

От панической атаки спас Семёнов. Он заметил реакцию и крепко сжал мою ладонь.

– Надеюсь, вы нас услышали, – обратился он к чудищу как ни в чём не бывало. – Даю неделю на то, чтобы урегулировать вопрос с соседями. Я проверю, не сомневайтесь.

Мы покинули странную квартиру. Уже сидя в машине, отдышавшись и успокоившись, я обратилась к Семёнову.

– Что за фигня творится с хозяйкой? Она чем-то болеет?

– Нет, – усмехнулся айтишник. – Ничем не болеет. А ты молодец! Заметила.

Ага, попробуй не заметить ЭТО!

– Кто она такая?

– Мокруха. Домашняя нечисть. В целом безвредная, но со своей спецификой. Где ни появится, всюду разводит сырость.

– Домашняя, а работает в фитнес-клубе, – я была потрясена таким несоответствием, как, в принципе, и остальным увиденным.

– Надо же ей на что-то жить, – философски заметил Семёнов.

Действительно! Ну, здравствуй, новый чудный мир!

После посещения желеобразной блондинки Семёнов отвез меня домой, мотивировав это тем, что на сегодня с меня достаточно впечатлений. Он даже не пытался напроситься в гости. Проводил до квартиры, коротко попрощался и был таков. Наконец-то я осталась одна.

Одиночество и выключенный телевизор содействуют развитию когнитивных способностей. Правда, не всегда и не у всех. Со мной, похоже, тоже промашка вышла. Иначе как объяснить тот факт, что вместо того, чтобы всерьез задуматься над своим настоящим и будущим, в частности, озаботиться

проблемами, которые новоприобретенный статус создает моей бессмертной душе, я преисполнилась воодушевления.

В моей квартире имеются два больших зеркала. Ну как больших. Одно выполняет функцию внутренней стены в прощальном приветствии советской эпохи – мебельной стенке – и предназначено отражать великолепие богемского хрусталя или его более дешёвых аналогов. Теперь же вместо хрусталя зеркало отражало фрагменты тела одной московской ведьмы.

Еще одно зеркало висит в прихожей, но там свет не тот. Мягкий и приглушенный, он показался мне недостаточно эффективным. Поэтому я металась между мебельной стенкой и прихожей, изучая себя на предмет проявления во внешности мистических качеств. Ну там на наличие таинственной глубины в чарующих глазах, какой-нибудь замысловатой родинки или иного хитрого знака, который указал бы на то, что обладатель сего среднестатистического тела отмечен дьяволом.

Ни-че-го! Даже обидно. Может, я плохо себя разглядываю?

Осмотр закончился тем, что я, встав перед зеркалом в прихожей в одном белье, нацепив шпильки и томно изгибаясь, как в микрофон, принялась петь в расческу: «когда себе, когда себе, когда себе я вставлю сиськи»[4 - Группа «Ленинград»].

Мне было весело. Возможно, так выходил стресс от пережитого в последние дни. Хотя, вероятнее всего, дело было в энергии, которую влил в меня заботливый Захар Матвеевич. Влил не жалея, явно с избытком. Жизнь спасал.

Чувствовала ли я себя проклятой? Хотелось ли мне забиться в пыльный угол или залезть в одежду в ванну и сидеть там весь вечер, обняв себя за колени и раскачиваясь из стороны в сторону, пока тёплые струи воды будут размывать лак в волосах и тушь на ресницах? Нет, нет и нет.

Стыдно признаться, но я чувствовала себя избранной. Вот прямо как Нео из «Матрицы». Была офисным планктоном. Одна из миллионов. А тут бац! Чудо свершилось! Я не такая, как все. Я ведьма! Чувство собственной важности ликовало.

В общем, остаток субботы я провела, предаваясь мечтам.

Воскресенье прошло за изучением свода правил новой жизни.

Как удалось выяснить из документов, Управление по контролю за соблюдением правовых норм отдельными категориями граждан входило в состав Министерства внутренних дел, но финансировалось куда как лучше полиции. Об этом свидетельствовала сумма моего ежемесячного довольствия, которая была указана в проекте контракта по найму независимого консультанта и над которой я медитировала несколько долгих минут. Довольствие в полтора раза превышало мой заработок по основному месту работы. Похоже, жизнь постепенно налаживается.

Понедельник встретил меня привычной давкой в метро, где всем было плевать, что среди них избранная, и родными просторами опен-спейса. Памятуя о своём новом статусе независимого консультанта Управления (документы, правда, ещё не подписаны, но это бюрократические мелочи), пересиливая себя, повернулась в сторону Павла и выдавила максимально любезную улыбку. Бывший любовник засиял.

– Паш, – промурлыкала я, пытаюсь скопировать томные интонации гражданки Мокрой. Судя по тому, как загорелись глаза собеседника, мне это удалось, – может, пообедаем вместе? Я знаю одно милое местечко неподалеку.

– Конечно, Арина. С удовольствием. Я очень хотел поговорить с тобой, но в последнее время ты была не в настроении.

Угу. Можно подумать, ты не догадываешься, почему, пиявка паршивая.

Время до обеда тянулось мучительно медленно. Даже работа не помогала отвлечься. Наконец, в половину первого Павел поднялся с места и ушёл, чтобы вернуться уже облаченным в верхнюю одежду и с моим пальто в руках. Предупредительный парень, жаль, что такой паразит. В прямом смысле этого слова. Он помог мне одеться и под пронзительным взглядом Катерины повёл на выход.

Всё то время, что мы шли по коридорам, ехали в лифте, кружили по переулкам, Павел не выпускал моей руки. Наши пальцы были переплетены, как если бы мы являлись парой. Он и вёл себя словно счастливый влюбленный, словно мы помирились после небольшой размолвки. С одной стороны, мне была приятна такая реакция на меня, с другой – я понимала: вся его обходительность вызвана единственной целью – удержать удобного донора.

В паре кварталов от кафе, куда мы направлялись, нам повстречалась троица обычных с виду парней. Они спросили, как пройти к метро. Пока Павел разъяснял нюансы маршрута, один из парней ненавязчиво отнёс меня в сторонку. Подальше от энергососа. Как-то незаметно в тихом проулке прибавилось народа, исключительно мужского пола. Павла быстро скрутили, заломив ему руки за спину. Нацепили наручники. Он повернул ко мне растерянное лицо и, кажется, догадался о причинах нападения. Попытался вывернуться из захвата, но безуспешно. Преимущество было явно не на его стороне. Он обречённо посмотрел на меня и закричал:

– Арина, ты всё неправильно поняла! Я не хотел причинить тебе вреда, клянусь! Просто не рассчитал сил.

Его потащили в сторону белого фургона. Он отчаянно брыкался, отпинывался от захватчиков и продолжал кричать:

– Дайте мне поговорить с ней! Пожалуйста! Только одну минуту! Вы всё не так поняли! Арина!

Моё имя было последним, что он произнёс. В толпе мужчин появилась фигура Семёнова. Он безжалостно саданул Павла в живот, а затем ударил по свесившейся голове. После чего вампир затих и обмяк в руках державших его людей. Я поморщилась и отвернулась.

Наверное, Павел заслужил такое обращение. Это малая плата за то, что мне пришлось пережить по его вине. Но лицезреть подобную картину своими глазами... Одно дело, наблюдать за работой правоохранительных органов, глядя на экран телевизора, и совсем другое – стать свидетелем задержания в повседневной жизни. Чересчур реалистично. Я не была готова к подобному. Кроме того, не пылала жадной мести. Всего лишь выполняла задание. Поступок Семёнова, на мой взгляд, был диким и бесчестным. Бить беспомощного человека

– низко. Я была о коллеге лучшего мнения. «Когда же ты научишься разбираться в людях, Афанасьева?» – спросила я себя.

Фургон уехал. Улица опустела. На душе было невероятно гадко.

Я бродила по улицам и переулкам, подставляя лицо мелкому осеннему дождю. Потечёт тушь? Да плевать. Судя по взглядам случайных прохожих, тушь действительно потекла. От дождя ли? От слёз? Какая, собственно, разница? Мне было больно. Так, словно кто-то сжал моё несчастное сердце в руке и принялся натирать на тёрке, превращая его в мелкие кровавые ошмётки. Мне было плохо, очень плохо. И гадко. Словно я предала кого-то. Словно кто-то предал меня.

Кое-как добрела до офисной курилки. Рухнула на лавку, достала пачку сигарет, судорожно затащила. Щёки были мокрыми. Уже не от дождя. К счастью, коллег поблизости не наблюдалось. Но счастье было недолгим. Рядом со мной села Катя. Прижалась плечом к плечу. Закурила.

– Вы расстались? – спросила она.

Я кивнула.

– По его инициативе?

Снова кивнула. Разве могла я вывалить на неё всё бурлившее сейчас в моей душе? Пусть лучше думает, что Павел меня бросил.

– И где эта сволочь?

– Не знаю, – всхлипнула я. Вышло очень жалостливо. Я знала, где он, и догадывалась, что его ждёт. И мне отчего-то было жаль его.

– Хочешь, я его уволю? Он на испытательном. Так что это не проблема.

Я прислонила голову к её плечу. Всё-таки она настоящий друг. Жаль, Семёнова уволить не может.

– Это лишнее. Думаю, он сам уйдет.

Если жив останется, в чём я сильно сомневаюсь.

– Очень на это надеюсь. Учти, Арина, если он не напишет заявление, то на стол Копытину ляжет моя докладная. Этого говнюка в моем отделе не будет.

– Спасибо!

Катя выудила из своей сумки салфетки и принялась приводить меня в порядок. Стёрла потёки туши на щеках. Но остановить слёзы была не в силах.

– Может, тебе лучше домой?

Помотала головой. Перекладывать на неё свою работу я не собиралась. Профессионал я или кто? Соберись, Афанасьева!

Мы вернулись на рабочие места с невозмутимыми лицами. Я принялась лихорадочно долбить по клавиатуре. Нет больше в моей жизни ни Павла, ни Семёнова. Есть только работа. Ею и буду спасаться. Я развивала бурную деятельность ровно до семи вечера. Кабинет незаметно опустел, и ко мне подрулил айтишник.

– Арина, нам нужно ехать.

Он говорил осторожно, словно был сапёром, а я миной с неисправным взрывателем, которая могла рвануть в любой момент.

Я равнодушно, надеюсь, что равнодушно – скольких сил мне это стоило! – кивнула. Не глядя на него, заблокировала компьютер, подхватила сумку и пошла из кабинета в сторону гардеробной. Семёнов плёлся следом.

– Арина, может, поговорим?

Я молчала. Говорить с ним мне было не о чем. Ты не мой рыцарь дня, Семёнов. Осознай уже это и отвали.

Выхватила своё пальто из его рук и оделась самостоятельно.

– Арин, ну зачем всё усложнять? – хмуро поинтересовался Семёнов.

Я вяло дёрнула плечом и вышла из раздевалки.

Семёнов усадил меня в свою шикарную машину. Я и не думала возражать. Вези меня, Семёнов. На большее ты всё равно не годен. Он пытался завязать разговор, но я отвечала односложными фразами и мусолила жвачку. В превентивных целях. Чтобы не замутило. От дороги и от Семёнова. Он осознал, что собеседник из меня никакой, и прекратил попытки общения. Включил радио на полную. В салоне надрывалась вокалистка группы «Мельница». Люблю я её. Может, Семёнов и правда телепат? Только хреновый малость. «И это лучшее на свете волшебство». Ага, как же! Видела бы ты то волшебство, свидетелем которого мне сегодня довелось стать, по-другому бы запела. До чего же паршивое у меня настроение! Даже любимая песня не катит. А Семёнов точно телепат. Переключил на ненавязчивый джаз. Под мягкие импровизации я постепенно достигла долгожданного умиротворения. Наконец, мы подъехали к офису Управления на Чистых прудах.

– Арина, – схватил мои руки Захар Матвеевич, – вы молодец! Объявляю вам благодарность! С первым заданием вы справились отлично. Алексей, с тебя объяснительная. Садись, пиши.

Ведун, не отпуская моих рук, потащил меня к столу. Усадил на стул, после чего угнездился на своём рабочем месте.

– Ариночка, тут такое дело. Даже не знаю, с чего начать.

– Начните сначала, Захар Матвеевич, – спокойно ответила я.

У меня было непривычно апатичное состояние, словно я выпила гору успокоительных. Неужели Семёнов способен влиять на моё мировосприятие? Раньше за ним такого не замечала. Мужчина покосился в сторону айтишника. Ну, точно, происки Семёнова. Странные они все в этом Управлении. Имеет ли смысл удивляться?

– Дело в том, Арина, что Павел оказался совсем не тем, кем мы его считали. Он невиновен в тех смертях, о которых я говорил.

Может, это покажется странным, но я почему-то обрадовалась.

– Значит, он обычный человек?

– Увы, а вот это не так. Павел – волокита.

– В смысле бабник? Что же тут необычного? Семёнов вон тоже бабник. Но это не делает его сверхъестественной сущностью. Хотя бабник он выдающийся.

Семёнов бросил в мою сторону многозначительный взгляд. Хотел возразить, наверное, аргументированно, но Захар Матвеевич так на него посмотрел, что тот опустил голову и принялся вдумчиво выводить письма на бумаге. Ага, ты работай, Семёнов, работай. Объясняй руководству причину служебного рвения. Мне тоже интересно, что подвигло тебя на избиеие беспомощного человека.

– Волокита – это не моральный облик означенного индивида, Арина. Это особого рода нечисть, которая питается энергией, выделяемой в процессе полового акта.

Раздался громкий треск. Мы с Захаром Матвеевичем синхронно повернули головы в сторону Семёнова. Оказалось, это ручка разломилась пополам в лапищах айтишника. Ему бы перестать злоупотреблять тяжелыми весами. А то канцелярских товаров не напасешься.

– Так вот, – продолжил Захар Матвеевич, – волокита – славянское название инкубов. Что такое инкуб вам известно?

Я кивнула. Начиталась в своё время разных книг. Развратный демон, вот кем оказался мой Прекрасный Принц.

– Противостоять обаянию инкубов невозможно. Это факт. Как и то, что в качестве пары они стараются выбирать ведьм, так как те энергетически значительно сильнее обычных женщин и, как правило, не страдают от подобной связи. Многие ведьмы сознательно идут на контакт с инкубами. Это позволяет безопасно скинуть излишки энергии. В большинстве своём такие пары самые крепкие, так как в их основе лежит взаимная выгода. Каждая сторона получает то, что ей необходимо. Инкуб – постоянный источник жизненной энергии, ведьма – возможность контролировать свою силу. Отдавая лишнюю энергию, она

получает возможность ослабить контроль над эмоциональным состоянием. Видите ли, избыток энергии губителен для ведьм и ведунов, точнее для их окружения. Вы уже, наверное, ознакомились со сводом правил и поняли, что любая негативная эмоция, направленная на окружающих, может весьма деструктивно отразиться на их здоровье. А подобные действия жестоко караются. Инкубы забирают этот излишек, избавляя сильных ведьм от возможных эмоциональных всплесков. Плюс любовники они фантастические.

В кабинете снова раздался треск. Семёнов тихо чертыхнулся, выкинул в мусорную корзину обломки очередной ручки и потянулся за следующей.

- Вы так рассказываете об этом, словно испытали на себе, - улыбнулась я.

- Испытал, - не стал юлить Захар Матвеевич. - Моя супруга была суккубом. Это женская разновидность инкубов. Мы прожили тридцать лет в полном взаимопонимании. Пожалуй, этот брак можно назвать счастливым. Суккубы, как и инкубы, найдя энергетически сильного партнера, предпочитают хранить ему верность. Так намного удобнее, чем постоянно искать новые источники пропитания.

- Это же потребительство в чистом виде! - возмутилась я. Меня корбило от мысли о том, что союз мужчины и женщины строится не на любви и взаимном уважении, а на банальном энергетическом обмене. Да, я наивная и верю в большое и чистое чувство.

- А разве обычный брак не потребительство? - с иронией поинтересовался Захар Матвеевич. - Вы ещё очень молоды, Арина. И полны иллюзий. Но жизнь это исправит, поверьте. Что касается инкубов и суккубов, то с ними легко и приятно жить. Они удобны в быту и не создают проблем, скорее наоборот, стараются избавиться от них партнера.

- Павел решил, что я ведьма?

- Да, он почувствовал это. Кроме того, вы заинтересовали его как женщина.

И снова треск, и обломки ручки летят в корзину под аккомпанемент тихих ругательств.

– Алексей, мы, наверное, мешаем тебе? – обратился к Семёнову Захар Матвеевич. – Может, лучше прогуляешься до кухни и там закончишь объяснительную?

– Ну уж нет! Я останусь, с вашего позволения, – довольно резко ответил айтишник.

– Как знаешь. Только, прошу тебя, прекрати разбазаривать государственное имущество.

Семёнов раздражённо кивнул.

– Вернемся к Павлу. Он убеждал нас, что не хотел причинить вам вреда, полагая, что вы в полной мере владеете своей силой и сознаете, кто он такой. Более того, Павел старался минимизировать первые контакты, давая вам время привыкнуть к нему. По крайней мере, так он нам сказал. Это правда?

– Да, – не стала отпираться я.

Стало понятно, почему Павел сбегал каждый раз.

– У него были серьёзные намерения в отношении вас. И теперь, когда все недоразумения устранены, если вы желаете продолжить эти отношения, никто из нас не станет препятствовать.

– Вы, должно быть, шутите?

– Ни в малейшей степени. Нам нечего ему предъявить. Он невиновен в нападениях на людей. Мы отпустим его. И ваше право решать, продолжать ли общение с ним. Если, конечно, вы не напишете заявление о причинении вреда. Тогда мы будем обязаны дать делу ход. Всё-таки на момент знакомства с Павлом вы не догадывались о своих способностях и, более того, излишками энергии не страдали. Если бы не действия инкуба, ваш контакт с энергетическим вампиром не привел бы к столь печальным последствиям. Так будем составлять заявление?

Я помотала головой. Не вижу смысла портить жизнь Павлу. Он же не знал, что ведьма из меня никакая. Продолжать с ним отношения я также не собиралась. Теперь-то я поняла, что моё чрезмерное увлечение Прекрасным Принцем было не чем иным, как влиянием его сверхъестественных особенностей. Ни о какой любви речи не шло. А раз так, зачем ввязываться в нездоровые отношения? Я не настолько цинична.

– Что ж, это ваш выбор, Арина. Я распоряжусь, чтобы Павла отпустили. Кстати, он очень просил о встрече с вами. Вы можете отказаться.

Снова помотала головой. Я должна увидеться с ним. Нужно расставить все точки над Ё.

Захар Матвеевич позвонил по служебному телефону, и через пару минут в кабинет ввели Павла. Ведун махнул головой Семёнову, и тот нехотя поднялся. На выходе будто бы случайно задел Павла плечом, отчего тот поморщился.

Я осталась наедине с Прекрасным Принцем. Но он уже не был столь прекрасен, как прежде. Его изрядно помяли в Управлении. Не представляю, сколько времени потребуется, чтобы с аристократичного лица сошли следы побоев. И это только лицо. Что же с остальными частями тела, скрытыми одеждой? Я сочувственно охнула и с трудом сдержала порыв броситься навстречу некогда любимому человеку, чтобы утешить и поддержать его.

Наверное, я и правда дура. Из-за него я пережила несколько малоприятных дней. Еле волочила ноги, полагая, что стала жертвой неизлечимой болезни. Впервые столкнулась с тем, что мужчина ставит своё удовольствие превыше всего, не считаясь с чувствами и мнением женщины. Разве за это не стоит презирать? Полагаю, стоит. Но я не испытывала сейчас презрения или ненависти. Только жалость. И возмущение действиями сотрудников Управления. Точнее, одного конкретного сотрудника.

– Арина, – Павел первым прервал молчание, – я не знал! Клянусь, я действительно не знал, что ты не инициирована! Если бы я мог повернуть время вспять... Всё было бы иначе. Если ты мне позволишь...

– Не надо, Паша. Ничего не будет. Я не смогу. Мне казалось, я встретила своего человека. А на самом деле – это лишь твоё воздействие. Я не хочу так.

– А как ты хочешь, Арина? Только скажи, и я сделаю всё, о чем ты попросишь. У нас может быть будущее. У нас так много общего.

– Ошибаешься. У нас нет ничего общего. Ни одного общего интереса или увлечения, кроме того, ради которого ты всё затеял. У меня, по сути, не было выбора. Ты увидел меня и тут же решил, что перед тобой идеальная кормушка. Это омерзительно!

– Не надо так, Арина. Тут нет ничего омерзительного. Это лишь проявление нашей натуры, нашей с тобой общей натуры. Природа всё решила за нас. Мы можем стать идеальной парой. Я знаю массу примеров. Я слишком торопился привязать тебя к себе. Признаю. Я поступил неосмотрительно, непозволительно, грубо. Но все ещё можно исправить. Я не подонок. Ты поймешь это, когда узнаешь меня лучше. И ты не кормушка. Ты понравилась мне с нашей первой встречи.

Павел поднёс было ладонь к лицу, но тихо ойкнул и отвёл руку. Моё сердце сжалось на миг. Но всего лишь от сострадания. А это не повод продолжать заведомо безнадежные отношения. Я не испытывала к нему никаких чувств. Павел был для меня чужим человеком. Даже если он и пытался во время разговора влиять на меня, его воздействия я не ощущала. Больше нет.

– Это конец, да? – обречённо спросил он.

Я кивнула, не отрывая взгляда от измочаленных носков своих заношенных ботинок.

– Мне жаль. Ты хороший человек. И красивая девушка. Хоть и не осознаешь этого по какой-то непонятной мне причине. Не знаю, какой гад внушил тебе обратное. Надеюсь, ты найдешь того, кого ищешь. Своего человека, как ты сказала. Если же нет, мой номер у тебя есть, и если ты передумаешь... Я буду ждать, Арина.

Я промолчала. А что я могла ему сказать?

– И ещё, – продолжил Павел, не дождавшись ответа. – Оставаться на работе не вижу смысла. Я напишу заявление. Прощай. И всего тебе хорошего.

Я кивнула через силу. Говорить не могла из-за комка в горле. Всё-таки он оказался намного лучше, чем я полагала. Получив отказ, не сорвался на мелочное выяснение отношений, не опустился до оскорблений и унижений. Принц повёл себя как настоящий принц. И это было непривычно. Предыдущие мои расставания заканчивались куда как пошлее. Павел и в этом оказался на высоте. Мне казалось, ещё немного, и я зарыдаю в голос. Сорвусь в безобразную истерику с бабьими завываниями.

Павел вышел, оставив открытой дверь, а я молча глотала слёзы. Дура ты, Афанасьева! Догони его, останови. И будет тебе счастье. С полным взаимопониманием и радостными детскими мордашками. И уроки с детьми будет делать он, а не ты. И с ненавистными счетами за коммунальные услуги разбираться тоже будет он. И карьеру сделает – работодатели любят таких, уверенных в себе – и обеспечит твоё безбедное существование. И не бросит никогда. Захар Матвеевич же сказал, что браки между ведьмами и инкубами самые крепкие. А ты будешь сидеть как у Христа за пазухой и тихо магичить или наслаждаться каким-нибудь творчеством. Ты же планировала живописью заняться, но не имела ни времени, ни средств. Вот и займёшься.

Но я стояла на месте, как гвоздями приколоченная, и изучала свои потрепанные ботинки. Не люблю я его. И не полюблю никогда. Это я точно знала.

Прошло несколько минут после того, как я успокоилась и вытерла щёки. Теперь я в полной мере воспринимала окружающий мир и могла слышать, о чём говорили в коридоре. Там вёлся диалог между Семёновым и одним из оперативников Управления, Ринатом, кажется.

– Ты как первый день замужем, честное слово! Правильно бить не умеешь, что ли? – возмущённо вопрошал Ринат.

– Умею, – буркнул Семёнов.

– На...я тогда кулаками махал? Говорил же тебе, подожди до КПЗ. Мы бы его приняли. И никаких следов. А сейчас что? Служебное несоответствие. Ты совсем debil или как?

– Или как.

Слушать это не было никаких сил. Я вышла из кабинета, продефилировала мимо айтишника и его товарища по кулачным боям и направилась на поиски Захара Матвеевича.

- Какой же ты урод, Семёнов! - бросила на ходу.

- Арина, подожди! - крикнул вслед парень. Но я не стала оборачиваться.

За спиной раздались звуки какой-то возни.

- Мужик ты или нет? - расслышала я сдавленный шёпот малознакомого опера. - Что ты с ней носишься? Было бы ради кого. Ни рожи, ни кожи.

Ну конечно. Как же иначе? С возвращением в реальный мир, Афанасьева. Похоже, только Павел разглядел твою необыкновенную красоту.

Снова послышалась возня с глухими ударами и сдавленными ругательствами.

Захара Матвеевича я нашла на крыльце. Он задумчиво курил.

- Поговорили?

Я кивнула, а затем задала интересующий меня вопрос:

- Если пиявка - не Павел, то мы снова в тупике. Кто тогда напал на меня и остальных пострадавших?

- Это нам ещё предстоит выяснить, Арина. Надеюсь, до того, как обнаружится новая жертва.

Глава 2

Боевое крещение

Новая жертва обнаружилась в среду. Ею оказалась одна из сотрудниц отдела кадров. По корпоративной почте пришло письмо, в котором содержалась просьба о сборе средств на срочную операцию. Наш отдел внёс посильную лепту, сложив её в общий конверт, пущенный по рядам опен-спейса.

В пятницу по офису разнеслась печальная весть о том, что наша коллега скончалась, не дождавшись операции. Семёнов отправил мне сообщение, в котором подтвердил, что несчастная женщина стала жертвой пиявки. Деньги, собранные на операцию, решено было вернуть жертвователям. Когда конверт добрался до нашего отдела, то почему-то оказался пустым. Видимо, кто-то забрал пожертвования с процентами.

Я возвращалась домой в дурном настроении. Не из-за денег, нет. Было очень печально осознавать, что человек, с которым ты ходил по одним коридорам, в один и тот же день получал зарплату, пересекался в столовой и курилке, неожиданно умер. И в том, что это случилось, была отчасти и моя вина. Не спаси меня Семёнов и Захар Матвеевич, может быть, моей жизненной силы хватило бы той ненасытной твари на какое-то время. Всё-таки я ведьма, пусть и неумелая. А так, получается, кто-то отдал свою жизнь для того, чтобы жила я. Вот только равноценный ли это обмен? Наверняка у той женщины остались дети. А у меня ни ребёнка, ни котёнка. Так чем же моя жизнь ценнее её? Почему она сейчас лежит в больничном морге, а я бесцельно брожу по улицам, дышу, ем, пью?

В подавленном состоянии, практически не глядя по сторонам, вошла в метро. Забилась в вагон поезда и прислонилась к двери с надписью «Не прислоняться». Когда решила осмотреться, пожалела, что не имею проблем со зрением. У меня, как, наверное, у каждого человека, бывают такие моменты, когда окружающая реальность видится удручающе неприглядной, а люди малопривлекательными. Сейчас же в заполненном вагоне я наблюдала такое собрание уродов, перед которым меркли «Капричос» Гойи. Пассажиры через одного имели жуткие рыла, от вида которых волосы на теле не только встали дыбом, но и покрылись изморозью.

Так, Афанасьева, спокойно! Никто на тебя не нападает. Пассажиры даже не смотрят в твою сторону. В телефоны пялятся. А эта милая дама с мордой муравьеда занята воспитанием своего вредного муравьедика. Ей до тебя и дела нет. И на прием к психиатру тоже торопиться не стоит. Это явно не диагноз. Это твоя вторая суть так себя проявляет. У тебя же и раньше случалось что-то похожее, пусть и в меньших масштабах. И ты отговаривалась недосыпом и

переутомлением. А оказалось, всё это плутни королевы Маб. По крайней мере, очень хочется в это верить. Надо на досуге поинтересоваться у Захара Матвеевича. А пока книжку в телефоне почитаем. Отвлечёмся.

Отвлечься от тягот бытия не удалось. После очередной остановки напротив меня притулился парень. Весьма привлекательный, кстати. Как любая нормальная женщина я падка на красивых мужчин. Очень красивые мужчины вводят меня в состояние созерцательного транса. Могу пялиться на них бесконечно, открыв рот. Вот и этот представитель противоположного пола был чудо как хорош. Даже лёгкое свечение над ним наблюдалось. Мягкое такое, приятное.

Через пару минут мягкое свечение усилилось до состояния фар дальнего света и стало доставлять неудобства. К световым спецэффектам добавилось ощущение давления. Я чувствовала, как стягивает виски и шум в ушах перекрывает гул метро. А очень красивый мужчина тем временем разглядывал меня с нескрываемым отвращением.

Поздравляю, Афанасьева! Докатилась! Ты теперь у мужчин брезгливость вызываешь.

Похоже, парень был одним из нас, тех, кого контролирует Управление. Только с противоположным мне зарядом. Интересно, что он видит, глядя на меня? Морды и рыла остальных пассажиров он тоже увидел, судя по всему, но они не вызвали у него столь сильной реакции. Неужели я настолько страшная?

Поеду-ка, пожалуй, на следующем поезде.

До дома добиралась долго. Менять вагоны пришлось не один и даже не два раза. Ну и денёк! И сколько же нечисти в Москве развелось. Понаехали!

После пережитого ноги сами понесли меня в алкогольный супермаркет, где я приобрела бутылку любимого красного полусухого.

На лестничной клетке витали ароматы еды. Я принюхалась и порадовалась за соседней. Похоже, у них праздник. А у меня бутылка вина и упаковка колотого пармезана на ужин. И благословенная тишина пустой квартиры. Именно то, что нужно сейчас моим истрёпанным нервам.

Открыла дверь, шагнула через порог и замерла в изумлении. На кухне и в комнате горел свет. И едой, кстати, пахло именно из моей квартиры. Если ко мне забрался вор, то какой-то неправильный.

Злоумышленником оказался Семёнов. Я даже не удивилась.

Он сидел на диване в комнате. На журнальном столике стоял мой ноутбук, на котором айтишник, практически сложившись пополам, что-то сосредоточенно печатал.

- Не помешаю? - поинтересовалась я, так как Семёнов, похоже, не слышал, как я вошла. Так был увлечён чем-то.

- А, Афанасьева! Ну наконец-то! Я уж думал, ты сегодня решила загулять.

- Была такая мысль, но в какой-то момент посетило нехорошее предчувствие. И не обмануло. Ты что тут делаешь, Семёнов? Не помню, чтобы приглашала тебя, и уж точно знаю, что не давала тебе ключи.

- Да я дубликат сделал в тот день, когда тебя реанимировал. Удобный у тебя дом. Все необходимые магазины в наличии.

- Так. Спрошу ещё раз. Какого лешего ты делаешь в моей квартире?

- Да ладно тебе, Афанасьева! Не шипи. Я вот твой комп починил. Почистил систему охлаждения. Винду переустановил, - Семёнов заискивающе смотрел мне в глаза.

Но я не спешила благодарить айтишника. Его бесцеремонность в очередной раз потрясла меня. Я стояла, опираясь о дверной косяк, и подбирала подходящие слова, чтобы высказать всё, что накопилось на душе. В этот момент пиликнул мой телефон, извещая о принятом сообщении.

«Арина, я не понимаю, что послужило причиной твоей грубости. Ты производила впечатление воспитанного и умного человека. Жаль, что ошибся в тебе. Полагаю, продолжать дальнейшее общение бессмысленно. Николай».

Так, стоп. Когда и как я успела нахамить Николаю? Мы только вчера обменялись телефонами после того, как договорились встретиться в реале и выпить кофе после работы. С Николаем я познакомилась на популярном сайте знакомств. У этого человека было приятное лицо, осмысленный взгляд и грамотная речь, что в наши дни большая редкость. Я строила далеко идущие планы в отношении него.

В голову закрались нехорошие подозрения. Я, недобро прищурившись, посмотрела в сторону айтишника.

– Семёнов, что-то подсказывает мне, ты не только почистил комп и переустановил винду.

Парень сверкнул белоснежной улыбкой. Самой обаятельной из своего арсенала.

– Не только. Но всё это исключительно в твоих интересах. – Не слишком ли часто он апеллирует к моим интересам? – Я забочусь о твоей безопасности.

– Каким же образом?

– Ты знаешь, что на сайтах знакомств полно всяких извращенцев и даже маньяков? Собственно, для них такие сайты и создаются. Возьмем, к примеру, некоего Николая. Судя по физиономии – типичный маньяк. И зануда.

– Что ты понаписал ему, Семёнов? – взревела я, чувствуя, как глаза застилает кровавая пелена.

– Да ничего особенного. Так, чтобы отвалил и не подкатывал ко мне, то есть к тебе, свои маракасы.

Я застонала и стукнулась лбом о косяк. Два раза. Чтобы боль заглушила жажду убийства. Хотя зачем её заглушать? В конце концов, состояние аффекта – смягчающее обстоятельство. Суд меня поймёт, присяжные оправдают.

– И ещё я удалил твою страницу. Нечего тебе там висеть. Ты слишком доверчивая. Станешь жертвой извращенца или хуже, альфонса. А мне потом тебя выручать.

– Семёнов, я убью тебя, – выдохнула я и направилась на кухню. За ножом.

Но ножей не оказалось ни в сушилке, ни в ящике стола. Похоже, Семёнов предвидел подобный сюжетный ход и заранее к нему подготовился. Ну ничего. Нет ножа, возьмем другое орудие. Я поудобнее перехватила в ладони тяжёлый металлический молоток для отбивания мяса и пошла в комнату.

– Афанасьева, ты чего? Афанасьева, ты совсем обалдела, что ли? Афанасьева, стой!

Я гоняла айтишника по комнате, размахивая молотком для мяса, как толкиеновский гном секирой. Семенов со смехом уворачивался от орудия возмездия. В какой-то момент ему надоело лихорадочно метаться по квартире, и он, перехватив мою руку, вывернул запястье и забрал молоток. Швырнул его на пол, а меня на диван. Навалился сверху, выкручивая мне руку.

– Ну всё, Арина, всё. Успокойся, – тихо, в самое ухо, сказал Семёнов. Я почувствовала его дыхание на своей шее, и моё тело неожиданно отреагировало дрожью. Приятной такой, предвкушающей дрожью. Так, Афанасьева, соберись! Ещё не хватало, чтобы он это заметил и придумал себе невесть что. – Я сейчас отпущу тебя, а ты пообещаешь, что не станешь меня убивать.

– Я не умею врать.

– И не надо. Я же хороший. Забочусь о тебе. Рагу овощное приготовил. Клетчатка очень полезна для организма. Котлетки куриные. Белок – строительный материал для мышц. Винца купил, какое ты любишь. Говорят, оно кровь улучшает. Признайся, моя скоропостижная гибель тебя очень огорчит.

– Это вряд ли. Слезь с меня, Семёнов! Сейчас же!

– Обещай, что будешь послушной девочкой.

Издаётся, гад! Пользуется моим беспомощным состоянием. Но ничего, это ненадолго.

– Угу.

Доверчивый Семёнов отпустил мою руку и тут же получил локтем под рёбра. Он тихо охнул, а я воспользовалась заминкой и спихнула его на пол.

– Ну Афанасьева! Ну ведьма! – простонал Семёнов, поднимаясь с пола и потирая ушибленный бок.

– А теперь, хороший человек, слушай сюда! Верни ключи и выметайся из моего дома! Чтобы духу твоего тут больше не было! Понял?

– Да понял, понял. Что ж ты злая-то такая? Ты в курсе, что злые женщины раньше стареют?

– Пошёл вон, Семёнов!

И он пошёл. Сначала в прихожую, а затем на улицу. После того как я закрыла за ним входную дверь, поняла, что дубликат ключей он утащил под шумок. И как теперь быть? Менять замок? Денег жалко. И, кроме того, как я объясню это хозяйке? Ладно, заберу ключи в понедельник.

На кухне меня ждал накрытый к ужину стол. Я убрала лишний прибор, влезла с ногами в кресло, потёрлась, устраиваясь поудобнее, плеснула вина в бокал и приступила к трапезе. Готовит Семёнов отменно. Факт. Хоть какая-то от него польза. Примем сей прекрасный ужин в качестве компенсации морального вреда.

Я проснулась от пиликанья телефона. С трудом разлепила глаза и посмотрела на часы. Что за чёрт? Какая тварь звонит в полдевятого ночи?[5 - Мультфильм «Масяня».]

– Алло, – прохрипела в трубку.

– Афанасьева, ты спишь, что ли?

Ну конечно, Семёнов. Кто же ещё?

– Сплю, отвали.

– Эээ. Афанасьева, не отключайся. Я вообще-то по делу.

– Какое может быть дело в субботу утром?

– Самое прозаичное. Злодеев сказочных кто ловить будет? Один я эту ношу не осилю. Ты договор с Управлением подписала? Подписала. Так что давай, поднимайся. Труба зовёт.

– Зря я тебя не убила вчера.

– Ты это брось, Афанасьева. Я тебе ещё пригожусь. Впусти меня, что ли. Кофе тебе сварю, пока ты себя в божеский вид приводишь.

– Какой кофе, Семёнов? Ты сейчас где?

– Под дверью, аки влюбленный рыцарь. Не веришь? Хочешь, серенаду спою?

Не успела возразить, как эта зараза запела: «А белый лебедь на пруду...» Громкий фальшивый баритон передавался сразу по двум каналам: по телефону и через дверь в прихожей. Господи, да этот придурок сейчас всех соседей перебудит! Я скатилась с кровати и кинулась ко входной двери.

– Заходи, – вместо приветствия сказала я бодрому вопреки раннему времени и довольному без причины Семёнову. – Только заткнись, бога ради!

– Здорово, Афанасьева! – радостно поприветствовал меня парень. – Ну и вид у тебя! Ты что, всё вино вчера выхлестала? Ай-ай-ай! Ты в курсе, что женский алкоголизм не лечится?

Скотина!

– Ладно, Афанасьева, не пыхти. Я пошутил. Правда, с алкоголизмом шутики плохи. Иди, умывайся, а я пока пожрать организую.

«Это какое-то, мать его, дежавю!» – думала я, пробираясь из ванной в комнату, чтобы одеться.

Когда я, умытая, одетая и причёсанная, показалась на кухне, Семёнов просканировал меня с головы до ног придирчивым взглядом.

– Уже лучше, – прокомментировал он мой внешний вид. – Теперь ты точно никого до сердечного приступа не доведешь. Садись, – махнул в сторону кресла и добавил: – Ваш завтрак готов, миледи.

Клоун! Скоморох недобитый!

Ароматный кофе с корицей. И где он её добыл? Я несколько дней безуспешно пыталась вспомнить, куда её засунула. Хрустящие гренки с золотистой яичной корочкой. Лёгкий овощной салат, щедро посыпанный укропом. Всё это заставило примириться с присутствием Семёнова, который уминал нереально вкусный завтрак в моей компании. Обычная, казалось бы, еда в исполнении айтишника приобретала новые вкусовые оттенки. Ему бы шеф-поваром в хорошем ресторане работать, а не злодеев ловить.

И снова красивый мужчина моет посуду на моей кухне, и снова я созерцаю эту невероятную картину, подперев подборок кулаком. Ехать никуда не хотелось. Хотелось сидеть так целую вечность и наблюдать, как перекачиваются под тонкой футболкой мощные мускулы. Никогда не думала, что мытьё посуды может быть настолько эротичным.

Семёнов перехватил мой взгляд, улыбнулся уголком рта и подмигнул. Я смутилась, подорвалась с места и малодушно сбежала в комнату.

– Афанасьеваааа! – услышала я голос из прихожей. – Я знаю, где ты. От меня не спрячешься. Выходи. Нам пора ехать.

Глубоко и печально вздохнув, я поплелась к выходу.

– Долго ещё? – спросила спустя половину часа, что пришлось на поездку по городу.

Сейчас мы кружили по какой-то промзоне. На фоне хмурого осеннего пейзажа заброшенные заводские корпуса и подсобные сооружения выглядели особенно

уныло.

- Почти приехали.

И действительно, через пару минут машина остановилась. Семёнов приподнялся, протянул руку в сторону заднего сиденья, после чего вручил мне странного вида одежду – короткую куртку без рукавов с воротником-стойкой. Куртка была довольно увесистой.

- Что это?

- Бронежилет.

- Ты серьёзно?

- Я ещё никогда не был так серьёзен, Арина. Надевай.

Что-то в голосе Семёнова заставило без пререканий натянуть бронежилет. Айтишник помогал мне в этом. После чего облачился сам.

- А каски нам выдадут? А наколенники? Или лучше сразу щиты?

- Нет, обойдемся жилетами, – не оценил моего юмора Семёнов. – Это так, на всякий случай. Инструкцией предусмотрено. Под пули лезть не придётся.

- Может, я лучше в машине посижу? Пока ты всех сказочных злодеев не переловишь? У тебя всё равно опыта больше.

Семёнов усмехнулся и помотал головой. Потом протянул странные пластиковые очки с тёмными линзами и широкой замусоленной резинкой.

- Я должна это надеть?

Семёнов кивнул.

Ну ладно. Надо так надо. Нацепила очки, посмотрела в зеркало. В очках и бронежилете я стала похожа на муху. Большую, жирную, одну из тех, что обычно роются над мусорными баками.

– Для чего очки?

– В них ты сможешь видеть живых и условно живых существ сквозь стены.

– А ты почему не надеваешь?

– Бесплезно. Это снаряжение предназначено для ведунов и ведьм. Обычный человек ничего не увидит.

– Как бесплезно? Почему не увидит? Для этого же сойдет простой тепловизор. Разве в вашем Управлении их нет?

– Есть. Но некоторые наши сограждане (имеются такие виды) не выделяют тепла. И потом, тепловизор через стены не видит. Для этого существуют другие приборы, которые используются в органах. Но с их помощью также не обнаружить нечисть и нежить.

– Ладно, побуду для тебя прибором сквозьстенного видения, – неумело пошутила я, пытаясь скрыть нарастающую панику.

Вообще-то, подписывая договор с Управлением, я не думала, что мне придётся наряжаться спецназовцем и лезть под пули. Этого мне категорически не хотелось. Однако я понимала: если уйду сейчас, хлопнув дверь «лексуса», Семёнов отправится на задание в одиночку. Без особых способностей, без каких-либо приборов, позволяющих отличить живое от не вполне живого, но довольно бодрого и агрессивно настроенного. Возможно его сегодня схарчат, а я всю оставшуюся жизнь буду мучиться от осознания того, что бросила боевого товарища в беде. О том, что меня тоже могут схарчить за компанию, старалась не думать.

Семёнов протянул пистолет. Мысль о том, что я не прощу себе героической смерти аййтишника, больше не казалась здоровой. Погорю и утешусь. Но бегать по заброшенной промзоне в броне и с пистолетом как какой-то сталкер? Ну, нафиг!

Пошла я отсюда.

– Афанасьева, стой! – Семёнов предотвратил попытку позорного бегства, заблокировав дверь.

– Выпусти меня! Мы о таком не договаривались.

– Арина, успокойся, это просто меры предосторожности.

– Иди ты в баню со своими предосторожностями! – безуспешно дёргая ручку машины, закричала я. – Вызывай спецназ, а я пошла домой.

– Спецназ будет. Но после того как мы удостоверимся, что он необходим.

– Ага, а за это время нас сожрут и переварят.

– Афанасьева, никто тебя жрать не будет. Ты же ядовитая, как рыба фугу.

– Может, и ядовитая, но как они об этом узнают, не попробовав? Всё, Семёнов, ариведерчи. Дальше без меня. Захару Матвеевичу привет и наилучшие пожелания.

Я продолжала лихорадочно дёргать ручку.

– Ладно, Афанасьева, успокойся. Поехали в контору. Сама будешь объяснять Захару Матвеевичу причину провала операции.

После этих слов я и вправду мгновенно успокоилась. Семёнов принялся выкруливать между цехами, гаражами и ангарами, а я развлекалась, глядя по сторонам. В очках окружающая реальность выглядела довольно готично. Если бы не так давно встреченный рассвет, я решила бы, что наступили сумерки. Небо было хмурым и недружелюбным. Тяжёлые облака угрожающе нависали над городом и больше походили на распахнутый зев преисподней, чем на рядовое атмосферное явление. Очертания зданий и немногочисленных деревьев подрагивали, отчего казались размытыми, зато отбрасываемые ими тени, напротив, были очень чёткими, насыщенными и даже зловеще живыми. Жуть да и только! Надо поскорее валить отсюда. Мой взгляд случайно упал на один из

ангаров. Он мерцал россыпью странных огоньков.

– Семёнов, притормози, – велела я, пытаюсь приглядеться получше. Но с такого расстояния видела только разноцветные искры. Много-много красных, практически неподвижных, и несколько синих, которые перемещались по строго определённой траектории.

– Ты что-то видишь?

– Да. Разноцветные искры вон там, – махнула я рукой в сторону ангара.

– Много?

– Очень много красных. Они сбились в одном месте. Сосчитать не получится. А вот синих штук пятнадцать. Они плавно перемещаются туда-сюда.

– Отлично! Мы их нашли. Поздравляю, Афанасьева! Каким-то чудом ты умудрилась справиться с заданием.

– Придержи поздравления до того момента, когда мы отсюда выберемся. Что-то у меня предчувствие нехорошее.

Предчувствие не подвело. Выезд нам перегородили два мужика в камуфляже с автоматами наперевес. Семёнов сбавил ход, плавно поравнявшись с охраной странного места. Один из сторожей направил в лобовое стекло дуло автомата. Другой подошёл к машине со стороны водителя, постучал в окно.

– Арина, ты, главное, не дёргайся. Сиди спокойно, молчи и улыбайся, – проинструктировал айтишник, прежде чем опустить стекло.

– Это закрытая территория. Как вы здесь оказались? – неласково поинтересовался охранник.

– Не поверишь, командир, случайно, – приветливо улыбаясь, ответил Семёнов. – Познакомился с красивой девчонкой. Подумал, почему бы не подвезти ее.

Охранник наклонился и заглянул в салон автомобиля. Я приподняла темные окуляры очков сквозьстенного видения на лоб и мило улыбнулась дядьке в камуфляже.

– А сюда-то ты её зачем повез?

Мне стало интересно, что ответит парень. Что бомжую я тут? Ответ удивил.

– Ну, так. Ехали мимо, видим – заброшенное место, и камер наверняка нет. Решили завернуть, перепихнуться по-быстрому.

Интересная у Семёнова фантазия. Быстрый секс в автомобиле двух людей, облачённых в бронежилеты. Они на нас для косплея, значит, таких ролевых игр, где люди натягивают на себя всякие забавные костюмы, если кто не знает.

Как ни странно, охранник поверил айтишнику. Махнул рукой напарнику. Тот опустил дуло, и мы беспрепятственно покинули промзону. Всё-таки у Семёнова есть какие-то хитрые способности в арсенале. Глаза там может отводить, зубы заговаривать. Иначе как объяснить факт, что он с лёгкостью уболтал охранника и тот не обратил внимания на наш подозрительный внешний вид?

После того как мы отъехали на безопасное расстояние, Семёнов принялся звонить в Управление.

– Захар Матвеевич, добрый день! Это Алексей Семёнов. Мы только что выехали с территории фабрики. Арина обнаружила ангар, где держат людей. Она насчитала около пятнадцати единиц нечисти. Плюс на въезде вооруженная охрана. Люди. Мы встретили двоих. Нет, всё в порядке. Обошлось без жертв. Да, будем ждать на месте. До связи.

– Это ещё не конец? – расстроено протянула я.

Мне совершенно не хотелось участвовать во всяких там спецоперациях. Даже в роли зрителя. Даже в бронежилете.

– Это только начало, Афанасьева. Сейчас ты своими глазами увидишь, как работает Управление.

– Может, я лучше домой? Сама доберусь. Поймаю попутку, – я говорила очень жалостливо, но на Семёнова это не подействовало.

Он весь подобрался, словно охотничий пёс. Разве что не тявкал и хвостом не вилял. Было видно, происходящее ему нравится и он в предвкушении предстоящего риска. Ну конечно, начинаются игры больших мальчиков. Мне этого не понять. Я, в отличие от Семёнова, не адреналиновый наркоман.

– Да не бойся, Афанасьева. Никто тебя не тронет. Захар Матвеевич велел дожидаться окончания операции. Тебе нужно будет проверить потом всю территорию, удостовериться, что никого не оставили.

Минут через пятнадцать к нам подъехало несколько фургонов. Семёнов выбрался из машины. К нему навстречу шли Захар Матвеевич и какой-то спецназовец. В бронежилете, шлеме, берцах и, конечно же, с автоматом. Семёнов долго и скрупулезно объяснялся с ними, после чего спецназовец достал рацию, дал команду, и из фургонов повалили мужики в чёрном, также вооружённые и облачённые в броню. Резвой рысью они направились в сторону фабрики.

Семёнов в компании Захара Матвеевича вернулся к машине. Сделал мне знак рукой, чтобы я выходила. Я помотала головой. Ни за какие коврижки! Здесь сухо, тепло и безопасно. И музыка играет. Решено, остаюсь в машине. Айтишник повторил приглашающий жест, я снова помотала головой. Семёнов удручённо вздохнул, обошёл автомобиль, открыл дверь, ухватил меня за ворот бронежилета и потащил на улицу. Я попыталась зацепиться за сиденье, за стенки салона, за дверь, но потерпела неудачу. Преимущество было не на моей стороне.

– Ну что ты брыкаешься, Афанасьева? – возмущался Семёнов, волоча меня в сторону начальства. – Захар Матвеевич хочет тебя поблагодарить, а ты сопротивляешься. В конце концов, это невежливо.

Засунь себе вежливость и благодарности сам знаешь куда. Не хочу на улицу. Здесь холодно и страшно. Очень страшно. Здесь мужики с автоматами бегают. Словно в подтверждение моих слов осенний воздух разрезал жуткий нечеловеческий вой, затем раздались выстрелы.

– Ой, мама! – чуть не присела я. И присела бы, не вздёрни меня Семёнов за воротник.

– Арина, успокойтесь, пожалуйста. Нам с вами ничего не угрожает. Всё самое опасное сейчас происходит там, – Захар Матвеевич качнул головой в сторону фабрики, откуда доносились вой и выстрелы.

Через несколько минут страшные звуки смолкли, и у Захара Матвеевича запиликал телефон. Он ответил на вызов, потом повернулся к нам.

– Едем на место. Они закончили. Упаковывают упырей и помогают пострадавшим.

Мы подъехали к ангару. Там было не слишком приятно. Кое-где в кровавых лужах лежали тела. Я старательно обходила их взглядом. Жизнь не готовила меня к такому зрелищу, и я подозревала, что увиденное будет являться мне во снах. Единственное, чем утешалась, – убитые относились к особо злостному виду нечисти и вообще не должны были существовать. Вроде как ошибка природы.

В одном месте под прицелом автоматов спецназа кучковались скованные по рукам и ногам здоровенные мужики с неестественно бледной кожей и нездоровым блеском в глазах. Наркоманы, что ли?

– Кто это? – поинтересовалась я у Захара Матвеевича.

– Упыри. Полагаю, незарегистрированные. Я знаю почти всех представителей местной диаспоры. Эти не из их числа. Гастролёры, похоже.

Упыри так упыри. Эка невидаль. Повернулась в сторону большой группы женщин, которые сидели на холодной земле, безучастно глядя перед собой. Человек пятьдесят, не меньше. И все выходцы из Средней Азии.

– И эти не зарегистрированные, – тяжело вздохнул ведун.

– Они тоже нечисть или нежить? – удивилась я.

– Нет. Нелегальные мигранты. Стали жертвами одной предприимчивой гражданки. Посмотрите на ту даму, что среди упырей.

Я послушно обратила свой взор на группу арестованных. Среди них действительно была женщина. То есть как женщина. Половая принадлежность её не вызывала сомнений, в отличие от принадлежности к людскому роду.

– Кикимора какая-то, – прокомментировала увиденное я.

– Не совсем, хотя очень близко. Это пустодомка. В старину подобные ей заставляли женщин прясть сутки напролет и делали это исключительно ради собственного развлечения, из любви к процессу, так сказать. Что касается нашей дамы, то она организовала целый цех по пошиву одежды. Копировала известные мировые бренды. Заманивала на территорию заброшенной фабрики женщин из числа тех, кого не станут официально разыскивать, так как родственники жертв, как правило, сами незаконно находятся на территории нашего государства. Заставляла работать целыми днями. Товар сбывала по своим каналам. Вошла в долю с упырями, чтобы они обеспечивали охрану. О том, в каких условиях трудились несчастные, вы и сами догадываетесь. Кроме того, они служили бесплатным кормом для охраны.

– Какой ужас! Они поэтому такие одурманенные? От потери крови?

– Не только. Пустодомка зачаровывает своих жертв, превращая их в подобие тупых безвольных зомби. К счастью, это обратимо. Мы вовремя успели.

– Что теперь с ними будет?

– С женщинами? Самое страшное для них уже позади. Отвезём в ведомственную больницу. После того как придут в себя, передадим миграционной службе.

– А с упырями и кикиморой?

– Суд, а потом исправительный лагерь.

– Ага. А через пару лет они раскаются в содеянном и выйдут по УДО, – с неожиданной злостью выдохнула я. Мне очень хотелось, чтобы в отношении

таких тварей мораторий на смертную казнь не распространялся.

- Не переживайте, Арина. Не выйдут. Не тот случай. Пожизненное этим гражданам обеспечено.

Что ж, подобная перспектива радует.

Ещё раз посмотрела в сторону упырей. Один из них встретился со мной взглядом. Я поёжилась, настолько злобным и пронзительным он был. Даже кровь заледенела от потусторонней жути.

- Эй, Матвейч, - крикнул упырь, - нашел себе молоденькую ведьму? А она ничего. Сладкая кровь, нежное мяско. Не поделишься?

На упыря гаркнул спецназовец, и он умолк. Только продолжал буравить нас тяжёлым многообещающим взглядом.

- Вы его знаете? - спросила я у ведуна.

- Доводилось встречаться. Я ликвидировал его отца. Тот ещё отморозок был. У него осталось двое сыновей. Совсем мальчишки. Я оформлял их в детский дом. Подросли мальчики, пошли по стопам родителя. Долго я за ними охотился. Долго и безуспешно. До сегодняшнего дня.

- Его брат тоже здесь?

- Нет. И сомневаюсь, что он ещё жив.

Мне надоело стоять на одном месте, и я решила побродить по периметру, немного осмотреться. Нацепила очки, стала разглядывать территорию и окружение. Вокруг бывших заложниц пустодомики мерцали красные всполохи. Такие же окружали спецназ. Ярче всех сиял Семёнов. Даже в этом он умудрился выделиться. Захар Матвеевич имел фиолетовый оттенок. Упыри светились бледно-голубым с небольшими вкраплениями лазури. Красиво, если не знать, что это за выродки. Мертвецы практически не выделяли света, кроме одного. Судя по всполохам, он был жив и вполне здоров.

– Захар Матвеевич, – позвала я ведуна, показывая на неподвижно лежащего упыря, – этот притворяется.

После моих слов события начали стремительно развиваться. Несколько бойцов спецназа кинулись к упырю. Он вскочил на ноги, бросился на первого подбежавшего мужчину, выхватил оружие из его рук и полоснул огнём, метя в мою сторону. Пара сильных толчков – и меня отбросило на землю. Грудь пекло. Было такое чувство, будто меня несколько раз ударили ломом. Ох, не зря я не хотела выходить из машины. Не зря. Не подвело шестое чувство.

Судя по тишине вокруг, упыря упокоили. Надо мной склонилось несколько лиц, среди которых я не без труда опознала Семёнова и Захара Матвеевича.

Семёнов трясущимися руками пытался стянуть с меня жилет. И судя по тому, как хреново мне было от его действий, не очень-то у него получалось.

– Семёнов, отвали, – простонала я. – Не трогай меня, ты только хуже делаешь.

Семёнова оттеснили, и пара незнакомых мужчин быстро и аккуратно справилась с тем, что не удалось айтишнику. После чего на мне расстегнули куртку. Я с трудом приподняла голову и покосилась на своё туловище. Слава богу, крови нет! Но почему тогда всё так болит? Можно подумать, по мне кувалдой долбили. Ой, мамочки!

– Арина, как вы себя чувствуете? – задал глупый вопрос Захар Матвеевич. Будто не видно, что паршиво.

– Больно, – хныкнула я.

– Где болит?

– Везде, везде болит. Дайте мне что-нибудь. Хоть таблетку анальгина. Или я сейчас помру.

– Потерпите немного, Арина. «Скорая» уже едет.

Ага. Когда она ещё приедет, эта ваша «скорая»? Меня к тому времени можно будет в чёрный пластиковый мешок упаковывать.

Но «скорая» и правда появилась почти мгновенно. Видимо, дежурила поблизости на случай, если будут раненые. Меня закинули на каталку, а затем погрузили в карету «скорой помощи». Семёнов тоже в неё залез, хоть его и не приглашали. Лично мне видеть айтишника совершенно не хотелось. Я была зла на него. По его вине я оказалась в этом жутком месте, лицезрела мерзкие упыриные морды, словила пулю от одного из них.

Почему никто не догадался проверить, все ли покойники упокоены? Неужели спецназ Управления не умеет определять, скопытилась ли нежить? Что за преступная халатность? А если бы упырь взял чуть выше и наделал дыр в моем черепе? Что тогда? Была Арина Афанасьева, и нет её. Погибла при выполнении особо важного задания. Интересно, в случае моей героической смерти мне бы выдали орден или хоть медальку какую? Не мне, конечно, а моей убитой горем – хочется верить – семье. Полагалась бы в таком случае денежная компенсация моим родителям? Или меня бросили бы на территории заброшенной фабрики, а потом обставили дело так, будто чумная гражданка Афанасьева бродила по пустырям в поисках сомнительных развлечений и нарвалась на местную банду? Так, Афанасьева, заканчивай фантазировать, а то дойдешь до истерики. А плакать с простреленной грудью не слишком удобно.

Наконец, меня доставили в больницу. Сделали рентген, обкололи обезболивающими, обложили фиолетовую от гематом грудь резиновыми грелками со льдом. Выяснилось, что в паре рёбер трещины. Здесь я впервые услышала термин «забронева травма», хотя, ей-богу, прекрасно прожила бы без этого знания. Я уже говорила, что ненавижу Семёнова? Ничего, повторяюсь. Не-на-ви-жу!

Ненавистный Семёнов таскался за мной по всей больнице. Когда меня начали раздевать для проведения осмотра и оказания первой помощи, пришлось наорать на него, хоть это и было больно, чтобы убирался к пёсьей матери.

Через пару часов на меня нацепили бандаж, выписали больничный и отправили на все четыре стороны. Семёнов дожидался в коридоре. Выхватил из рук моё имущество и, осторожно держа за локоток, повёл меня к выходу. А я-то думала, что меня, как и положено законами жанра, выкатят в инвалидном кресле. Но не тут-то было. Ты в России, детка. Так что топай ножками.

Когда я с кряхтением угнездилась на сиденье автомобиля, Семёнов попытался было пристегнуть меня ремнем безопасности. Я зашипела, и он живо отдёргнул руки, словно я могла броситься и покусать его, после чего ему пришлось бы делать сорок уколов от бешенства. Он привез меня домой, сгонял в аптеку за лекарствами и порывался заночевать здесь, чему я воспротивилась в довольно грубой форме. В итоге айтишник смирился и оставил меня в покое.

Мне велели делать холодные компрессы для снятия отёка, я пристроила к одному боку упаковку пельменей, к другому – пакет замороженных овощей, обмоталась эластичными бинтами и улеглась на диван с книжкой. Пожалуй, это была самая паршивая суббота в моей жизни.

В понедельник пришлось встать на час раньше, чтобы добраться до работы без привычной утренней толчеи, которая могла плачевно отразиться на моём измочаленном организме. Офис встретил темнотой и пустотой. Относительной. Когда включились лампы дневного света, я обнаружила в своём кресле Семёнова. Он мирно спал за моим рабочим столом.

– Семёнов, – ткнула я айтишника в накачанную дельту. Чуть палец не сломала.

Он поднял на меня помятое лицо, поглядел мутными со сна глазами.

– Тебя из дома выгнали, что ли? Ты поэтому в субботу ко мне ночевать напрашивался?

Он помотал головой, потёр лицо ладонями.

– Нет. Не спалось. Решил приехать пораньше, доделать кое-что.

– И как? Удачно?

Айтишник кивнул. У него был измученный, несчастный и какой-то по-детски виноватый вид. Мне вдруг захотелось провести рукой по взъерошенным тёмным волосам, пригладить сбившиеся пряди, коснуться пальцами скулы, на которой проступал отпечаток клавиатуры. Но я задавила в себе неуместное желание и спросила с напускной суровостью:

– А здесь ты что делаешь? Тут вообще-то пока ещё моё место.

– Это ты что здесь делаешь, Афанасьева? – стремительно просыпаясь, гаркнул Семёнов. Интимность момента растаяла без следа. – У тебя больничный на две недели. Давай, топай домой, пока тебя никто не увидел и не нагрузил работой.

– Семёнов, я как-нибудь сама разберусь, что мне делать. И не надо во мне взглядом дыры прожигать. Ты знаешь, сколько за больничный платят? И как жить на такие деньги? Хотя откуда тебе знать. Ты же у нас подпольный миллионер. А я, между прочим, живу на зарплату, весьма скромную, к слову. А в конце месяца за квартиру платить. Так что не учи меня жить.

– Помочь материально? – хмыкнул айтишник.

– Обойдусь своими силами. Всё, проваливай. Мне надо работу работать.

Семёнов отстал. Точнее, сделал вид. Оказалось, это было тактическое отступление. Как только в кабинете появилась Катя, он, игнорируя мои возражения, схватил мою сумку, вытряхнул на стол все её содержимое, нашёл в куче космического мусора сложенный вчетверо больничный лист и предъявил его Катерине.

– Вот, – с чувством выполненного долга произнёс он.

– Что это? – Катя в полном шоке водила глазами с меня на Семёнова и обратно.

– Больничный лист твоего подчинённого, который грубо нарушает режим.

– Подожди, Алексей, я ничего не понимаю. Какой больничный лист? Вот же Арина. Выглядит вполне здоровой.

– На первый взгляд, – ответил парень.

Этот нехороший человек подошёл ко мне, ухватился за край блузки и бесцеремонно задрал её, явив окружающим моё упакованное в бандаж тело. Я принялась молотить кулаками по его наглým лапам, но он, похоже, даже не

заметил этого. Правозащитник хренов!

- Ничего не понимаю, - призналась Катя. - Что происходит? Что с Ариной?

- Упала, сломала два ребра. Я был тому свидетелем, поэтому в курсе произошедшего. Отвез её в больницу, где ей оказали первую помощь, выписали больничный и велели сидеть дома. Но она проигнорировала предписания врачей и отправилась на работу. Переживает, что её уволят. А я переживаю, что она подохнет от осложнений. Если можешь повлиять на неё, то не теряй времени. Потом поздно будет.

- Арина, это правда? - нехорошо прищурилась Катя.

- Не совсем. У меня не переломы, а трещины. И я могу работать.

Катя кивнула. Потом забрала больничный и обратилась к Семёнову:

- Я сниму копию для бухгалтерии. А ты вызови такси и проследи, пожалуйста, чтобы она убралась отсюда.

- Алё, начальство, я вообще-то тоже здесь присутствую, - попыталась я вмешаться в принятие решения о собственной участи.

- А с тобой я не разговариваю. Ты случайно голову при падении не повредила? Ты чем вообще думаешь? Кому нужно это геройство? Считаешь, если скончаешься на рабочем месте, тебе мраморный бюст в коридоре воздвигнут? Да тебе в течение дня замену найдут! Никто и не вспомнит о том, что жила на свете такая Арина Афанасьева, которая пожертвовала собой ради выполнения квартального плана!

Катерина шумно выдохнула, затем сказала Семёнову:

- Всё, Алексей, уводи её, пока я держу себя в руках.

Тот послушно кивнул. Одним движением сгрёб обратно в сумку все её содержимое, подхватил меня под локоть железным хватом и потащил на выход. Я попыталась оказать сопротивление, в поисках поддержки бросила

проникновенный взгляд на Катю, но та лишь кивнула Семёнову и помахала мне рукой. Вот незадача, я-то считала себя незаменимым сотрудником. А меня просто взяли и выкинули на больничный. Как с этим жить теперь?

Семёнов собирался вызвать такси, но я не позволила.

– Не надо. На метро доберусь. Сейчас давки не будет.

– Афанасьева, тебя случаем не контузило? Ты точно головой не стукнулась? Какое метро в твоём состоянии?

Вот как ему объяснить, что на семьсот рублей я неделю могу жить? Не поймет же. Семёнов, мы с тобой принадлежим к разным слоям общества. Между нами социальная пропасть размером с глубину Марианской впадины. Я – нищевод, а ты – золотая молодежь. Так что отвали и не делай мне нервы.

Похоже, Семёнов догадался о причинах, по которым я порывалась ехать на метро. Поволок меня в сторону своего автомобиля. Этого ещё не хватало!

– Семёнов, отстань от меня! До работы доехала, значит, и до дома доберусь! Не стоит расходовать на меня бензин и бесценное время. Потрать его с пользой. Не нужна мне твоя благотворительность. Если потянуло на добрые дела, пожертвуй часть своих сверхдоходов дому престарелых, например. Или прикупи пару безделушек своим любовницам. Этим бедняжкам, наверное, только кофе из аппарата перепадает. А так будет им счастье, а тебе полное удовлетворение. И моральное, и физическое. Точнее, физиологическое.

Парень притормозил. Его лицо вытянулось и побледнело от еле сдерживаемого бешенства.

– Афанасьева, ты бы помолчала, ей-богу! Я вообще-то женщин не бью, но тебе так и хочется профилактический подзатыльник отвесить. Исключительно для твоего же блага. Чтобы думала, прежде чем языком молотить.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вера Полозкова. «Это мир заменяемых».

2

Группа «Ленинград».

3

Мультфильм «Масяня».

4

Группа «Ленинград».

5

Мультфильм «Масяня».

Купить: https://tellnovel.com/ru/stahovskaya_olesya/afanas-eva-stoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)